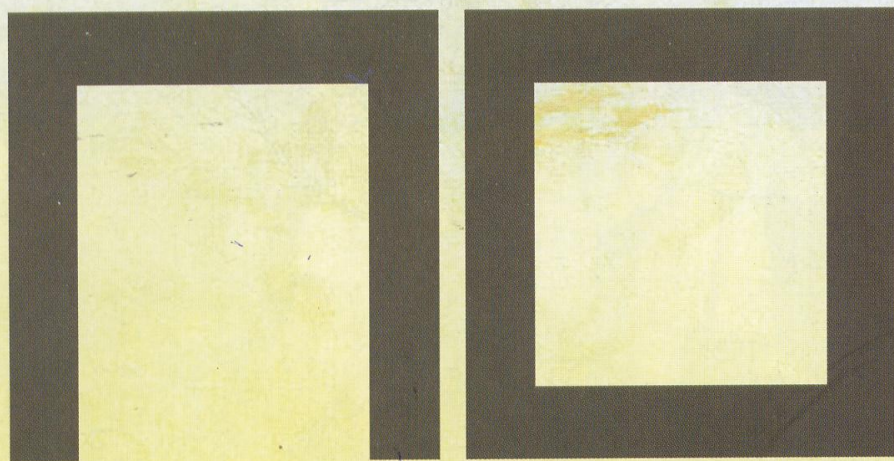

Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Н.В.Гоголь

Ж У Р Н А Л

№ 4-5 (29)

2011

ЭТОВ

Гоголь
google

ДООС — Добровольное общество охраны стрекоз

**Гоголь рекомендует
читать книги для
сохранения ума
и молодости!**

Читать следует именно книги, неважно, в электронном или печатном виде, причем те, которые захватывают и приводят к положительным эмоциям. При этом важно умение и желание поговорить о прочитанном. Это развивает мозг, отгоняет старость и удлинняет жизнь. К таким выводам пришел известный немецкий ученый Манфред Гоголь.

Театр на Таганке «Н.В.Гоголь. Арабески»

«Юрий Любимов за своим режиссерским пультом очень был похож на Гоголя, склонившегося над камином, где в огне пляшут страницы из «Мертвых душ».

Константин Кедров

«Гоголь в небе Таганки» («Известия», 25 декабря 2009 г.)

Постановка: **Юрий Любимов**
Сценография: **Юрий Чарышников**
Фото: **Виктор Ахломов**

Долетели до середины Днепра

2-3

Константин Кедров

4

Александр Еременко
Лоренс Блинов
Салават Кадыров
Николай Гоголь

5

Сергей Бирюков
Александр Федулов

6-7

Елена Кацюба
Даниил Соложев

8-9-10

Кароль Войтыла
Николай Гоголь
Евгений Рашковский

11

Валентин Никитин
Шерил Перссон

12

Тихон Чурилин
Денис Безносов

13

Наталия Азарова
Николай Гоголь
Владимир Миодушевский
Анатолий Кудрявицкий

14

Алексей Торхов
Александр Бубнов
Николай Гоголь

15

Александр Моцар
Александр Чернов
Николай Гоголь

16

Ольга Адрова
Яна Павелковская
Николай Гоголь

17-18-19

Александр Люсый
Николай Гоголь
Алина Витухновская

20

Николай Гоголь
Крайзер Ферлай
Дарья Серенко

21

Борис Колымагин
Николай Гоголь
Ганна Шевченко

22-23

Вадим Рабинович
Юрий Норштейн
Андрей Белый
Сергей Ив

24-25

Виктор Ахломов
Николай Гоголь
Евгений Степанов

26

Галина Мальцева
Александр Пушкин
Антон Чехов
Лев Толстой

27

Кира Сапгир

28-29

Тамара Приходько
А.Шик
Николай Гоголь
Василий Жуковский

30-31-32-33

Валерия Нарбикова

34

Вальтер Остеркорн

35

Рикошет:
Николай Гоголь –
Виссарион Белинский

36

Ольга Ильницкая,
Николай Гоголь

37

Андрей Геннадиев
Андрей Коровин

38

Анатолий Гринвальд
Николай Гоголь
Дмитрий Песков

39

Андрей Вradий
Николай Гоголь
Кристина Зейтунян-Белоус

40-41

Игорь Яркевич,
Николай Гоголь

42

Ольга Журавлева
Николай Гоголь
Наталя Никифорова

43

Станислав Минаков
Ирина Силецкая

44-45-46-47

Николай Гоголь
Роман Хотинюк
В.И.Цветков
Сергей Есенин
Маргарита Аль

Гоголь.
Галина Мальцева
ДООС – стреказелла
Специально для ПО

Николай Васильевич Google

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Средневековый монах Раймонд Лулий верил, что в небесном компьютере сцеплены или, как говорит Рената Литвинова, закрючованы все имена и понятия. Лулий даже построил свою логическую машину из шестеренок и рычагов, где эти имена прокручивались, образуя причудливые сплетения. Но Лулий забыл, что есть и еще неизвестные имена. Среди них Гоголь и Google. Не прошло и двухсот лет, как они явно соединились.

Гоголь принес в мир большую радость, а унес из мира какую-то очень большую тайну. Это потом, с годами, писатель стал убеждать читателей, что смех его звучит сквозь невидимые миру слезы. А позднее и смех исчез. В последних уцелевших главах второго тома «Мертвых душ» и в «Выборных местах из переписки с друзьями» остались одни лишь слезы. Не было никаких внешних причин впасть в отчаяние. Писатель обласкан двором и обеспечен хорошей пенсией. Он живет в Риме, совершает паломничество в Иерусалим ко Гробу Господню. Признан и напечатан самим Пушкиным. Переписывается и дружит с могущественным наставником Пушкина, воспитателем престолонаследника, поэтом Василием Андреевичем Жуковским. Он вдохновитель, наставник и покровитель живущего в Италии Александра Иванова в годы работы художника над «Явлением Христа народу». Пьеса «Ревизор» с успехом идет на императорской сцене, ободренная самим царем, сказавшим после премьеры, мол, всем досталось, а мне больше всех.

Но позвольте, а как же личная жизнь? И тут никуда не денешься. Бессмертная «Женитьба» во многом биографична. Нет, Гоголь не выпрыгивал из окна в день помолвки, как Подколесин. Но прекрасная панночка в его жизни так и не

появилась. Была влиятельная могущественная покровительница фрейлина Смирнова-Россет. Была жена цензора Никитина Анна Керн, добившаяся отмены запрета на заглавие «Мертвые души». Поначалу заголовок был перечеркнут, мол, души бессмертны и мертвыми быть не могут. А когда речь зашла о том, что души здесь – всего лишь крепостные, цензор еще более рассердился, заметив: «Тем более».

Странно, что нос, сбежавший от майора Ковалева и представший пред ним в Казанском соборе в мундире полковника, у цензора ни каких нареканий не вызвал. Уж и порезвились фрейдисты над этим носом в 20-30-е годы. Правда, с тех пор о «Носе» ничего нового не было сказано. А ведь в этой повести весь будущий абсурдизм Кафки таится. Андрей Белый видел в Гоголе прежде всего мистика и символиста. Его «Петербург» во многом из «Невского проспекта» проистекает. Есенин видел в Гоголе предтечу имажинизма – у него дороги разбегались, как раки. Филологи и литературоведы защитили десятки диссертаций, пытаясь найти ключ к двум гиперболам Гоголя: «редкая птица долетит до середины Днепра» и «шаровары шириной в Черное море». Всем известно, что птицы долетают до самой Африки, а фраза Гоголя остается гениальной.

А как вам нравятся два медных красных начищенных самовара на окне, и один из них с черной бородой? Это о морде сидельца. Или нимфа с такими грудями, «каких читатель никогда и не видывал». Скорее всего, Гоголь родился на столетие раньше своего времени. Ему бы с Маяковским рядом самое место. Шаровары шириной в Черное море – чем не облако в штанах? Да и нос, сбежавший от Ковалева, подстать «прозаседавшемуся», у которых нижняя половина на одном заседании, а верхняя на другом.

Дело в том, что Гоголь не уместается даже в своей прозе. Вместе с художником Ивановым он задумал грандиозный проект – возвращение на землю Христа. Он ощущал себя новым предтечей. Не случайно на картине Гоголь так похож на Иоанна Крестителя. «Выборные места из переписки с друзьями» в параллель с картиной. Но жизнь не живопись и не литература. Россия встретила Гоголя довольно холодно. Духовник потребовал отречься от греховного творчества и даже от любви к Пушкину.

Гоголь стал корезить «Мертвые души», готовя Чичикова к искреннему покаянию. Но талант подвел. Как только Павел Иванович вышел из тюрьмы, он сразу стал корить себя за избыточные эмоции и даже подумал, что волосы рвать уж точно не следовало. За такое безнравственное поведение Гоголь вверг своего героя в огонь. Многие страницы неоконченной книги были сожжены гениальным автором. Он и сам сгорал заживо в огне своего таланта. На фоне роскошного гомерического обжорства Собакевича в первом томе и Петуха во втором добровольное истощение Гоголя выглядит каким-то магическим жертвоприношением. Писатель уморил себя чрезмерными постами в то самое время, когда на его рабочем столе лежали главы с описанием обильных трапез и щедрых застолий. Но в этом есть своя логика, которую земным умом не постичь. Сама жизнь гения превращалась в типично гоголевскую гиперболу и метафору. Он не мог верить и поститься, как все, в полсилы. Медики ломают головы и по сей день над его болезнью и смертью. Но случай явно не медицинский. Упитанный Чичиков, созерцающий в зеркале свой живот со словами: «Какой дурак, а в целом составляет картину», – это анти-автопортрет анти-Гоголя.

В «Ревизоре» и в «Мертвых душах» Гоголь создал свой антимир, который оказался весьма правдивой картиной российской жизни. Где-то на исходе сталинизма с высоты партийной трибуны было сказано, что нам нужны новые Гоголи и Щедрины. Тотчас возникла эпиграмма: «Да, конечно, нам нужны / Понеежее Щедрины / И такие Гоголи, / Чтобы нас не трогали». Но Гоголь трогает, трогал и будет трогать. Сегодняшние споры о том, русский или украинский он писатель, – это все та же тяжба Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Скучно жить на этом свете, господа? Да что вы, очень даже весело, если вовремя перечитать Гоголя.

Черт извивается змием
 Гоголь беседует с Виём
 Вий раздвигает глазницы
 Гоголь живет за границей
 Вий растворяется в гриме
 Гоголь живет в Древнем Риме
 Пишет про мертвые души
 В будущей родине Дуче
 Черти пускаются в пляски
 Чичиков едет в коляске
 Мимо коровьева рева
 Едет в имение Ноздрева
 Мимо родного и милого
 Едет в имение Манилова
 В Черном квадрате Малевича
 Прячется тень Собакевича
 В этой отчаянной чуши
 Мечутся мертвые души
 Гоголь оставил нас с носом
 Всё на Руси под вопросом
 Курица, куда же несешься ты?
 Дай ответ...
 Не дает...

Вийон —
 Вий он

Мело Гоголем

Ого Гоголь лог о-го-го
 Лил о Гоголь лог оголил
 И лени шорохи — хор о шинели
 От шинели силе ништо
 А Копейкин — Ники эпока
 Во кич и Чичиков
 Мол, совок и Чичиков ослом
 Мен вон Чичиков, во кич, и что в нем?
 Собакевич и век, а бос
 Мечи века, босс, Собакевичем
 Воли нам, Манилов
 Вол и нам Манилов
 О тверд зоне Ноздрев-то
 Нос — о, Гоголем смело — го-го! — сон
 Яновский икс вон я!
 То Гоголем смело гогот

Хрестоматия любви

Маяковский → Лиле Брик
 Лиля Брик → ψ (к множеству) или многомужеству
 где $\sqrt{\text{Хлебникова}} = \text{Крученых}$
 а $\text{Крученых}^2 = \text{Хлебникову}$
 где Достоевский \neq Толстому, а Толстой $\rightarrow \infty$
 где Пушкин \times Гоголя = 0
 при этом Гоголь \rightarrow Пушкину
 а Пушкин никуда не стремится или = 0
 где сумма углов
 треугольной груши Вознесенского $> 2d$
 где треугольник всегда кудрявый
 а груша сладкая, как Адамово яблоко в горле Евы
 где Адам \leftrightarrow Ева
 где Адам \times Еву = себе
 где Ева/Адама = Адаму
 где яблоко \times на грушу = птеродактилю
 а птеродактиль \times динозавра = диплодоку
 где мамонт \rightarrow колибри = слону
 а мертвые души \rightarrow к вечной жизни = Гоголю

Рисунок Даниила Соложева

Александр Еременко

Специально для ПО

*

Я знаю мозги и покруче
а этот етить твою мать
стоит, словно мальчик на туче
но этого вам не понять

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр

Казань

Специально для ПО

о ГО

1. «б»

Между «хармсом»– и «гоголем»
разницы почти нет:
и там, и здесь – по семь букв.

Но Гоголь и Хармс
все же отличаются
друг от друга:

у Гоголя присутствует мягкий знак! –
и на этот знак («Ь»!)
он: больше, выше, и – тоньше...

Но-с и Харм-с, ведь

2. МИР БЕЗ ГО

Он сидел и думал:
– Что будет?
Что же теперь будет?

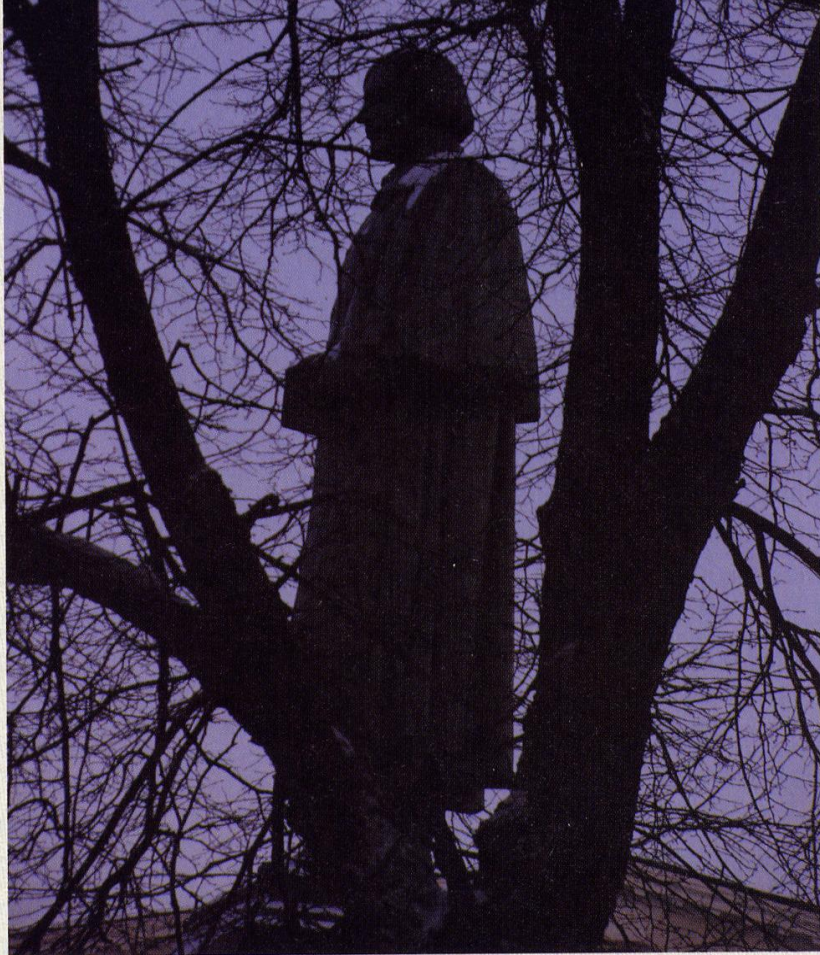
А было вот что.
Да, собственно, ничего и не было –
я же не Хармс!
Это у него, ведь, что-то непременно
должно быть!.. У Хармса-то.

А он (у меня) просто сидел и думал:
– Господи! Как же без Гоголя-то?

Да и Пушкина нет...

3. ВОРКА ПО ГО

Гоголь – это птица:
Тройка – крылья в лицах.

Фотография Елены Капицы

Салават Кадыров

Верхний Уфалей

* * *

* * *

В скобяной думе,
где о чем-то думая,
изготавливают дышла,
подгоняют хомуты,
ладят подпруги
и гнут пальцами дуги,
очень долго запрягают
прежде, чем красиво
поехать по Гоголю.

В скобяной лавке судьбы
я купил хомут по шее,
впрягся в жизнь, груженную
работой, семьей, заботами
и, как кляча своего “я”,
тащу ее по дороге времени,
подгоняемый кнутом бытия.
Государство мне в уздечку
вдело шоры, чтоб не шарахался,
а вёз, покуда не дотяну
до холодной сырой конюшни,
чтоб навечно отдохнуть...

«Сообразив и припоминая несколько дорогу, он догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо. Так как русский человек в решительные минуты найдет, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнул он: “Эй вы, други почтенные!” – и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведет взятая дорога».

Н.В.Гоголь

«Мертвые души»

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр,
Галле, Германия

Гоголь – голый или гость,
голос или горе?
Колос воли, в горле кость,
космос в теплом створе.

Гоголиана

опять милейший Сабакевич
в объятиях Ноздрева душит
души не чаёт нежный Плюшкин
в Коробочке любезной даме
и Чичиков считает лучших
умерших во всемирной драме

мадам Коробочка в бутике
корсет надежный примеряет
с улыбкой ангельской на лице
Манилов с детками гуляет

меж тем Ноздрев с женой Манилова
играет в шахматы навывел
и Хлестаков с гримасой милою
Тряпичкину письмишко мылит

и мочит розги Городничий
вдовицу ждет для садо-мазо
вокруг отточенных приличий
и в ожидании экстаза

Чартков наметил на портрете
ноздрю майора Ковалева
и вот уже в шинели новой
Нос появился на проспекте

Поприщин царствует в Мадриде
сам Вий ему прилежно служит
Коробочка на всех в обиде
а Хлестаков живет не тужит

у всех страницы в интернете
одни в ЖЖ заводят блоги
другие паки сеют ветер
а третьи жадно жнут итоги

но там за горизонтом темы
чернеет черным точно уголь
возможно Гоголь

Александр Федулов

Комментарии:

Использованы два рассказа Гоголя: «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Заколдованное место».

На шляпе однолетнее растение *Melampyrum nemorosum* – марьянник дубравный, или Иван-да-Марья. Семена растения ядовиты.

Мухи – созвездия северного полушария:

Большая Медведица, Орел, Змея.

По мифам, Б.М. – служанка Артемиды нимфа Каллисто, ее сын от Зевса, Аркад, по колдовству Геры чуть не убил свою мать. Он – Малая Медведица. Ко всему Б.М. – это ковш.

Орел – по одной версии он клевал печень Прометея, по другой – он похитил для Зевса мальчика Ганимеда, который стал виночерпием на Олимпе. Ганимед от латинского *ganeo* – гуляка, кутила и *ganea* – трактир, кабак; кутеж, распутство.

Змея – по легенде сын Аполлона Асклепий выучился у кентавра Хирона искусству врачевать людей ядом змей. Но он не только лечил, но и воскрешал, что не понравилось богу подземного царства Аиду. По его жалобе Зевс поразил Асклепия молнией.

Елена Кацюба

ДООС – libellula

*

Майскою ночью
парами
парубки, панночки
каблучки
позванивают по звездам
мостик считает шаги
– Зеркало-речка, скажи
вправду ли я хороша,
как все говорят?
Лодка кивнула
волной улыбнулась вода
рыба плеснула ли из глубины
– Краше еще, еще краше!
Смеха ночной колокольчик
белое горло щекочет
– Кто тебе вышел сорочку?
дышат цветы на груди
дрожат лепестками
– Матушка душу вложила
крестик на крестик
стежок на стежок
Слышишь –
домой меня кличет?
– Не слышу, далече
Властно ладони
ложатся на плечи
Вдруг – опустела ладонь
– Вот и черемуха – белым цвела
а ягоды будут черны
– Лучше гляди на калину –
ягоды красными будут
что губы твои
К шепоту шепот
к дыханью дыханье
жаркий озноб ожиданья
месяц восходит
над левым плечом
– Может, вернемся обратно?
Скалится месяц,
назойливы звезды...
– Поздно, калиночка,
поздно
мост развалился
лодка истлела
река заблудилась в тумане
Отныне
нам майская ночь
навсегда

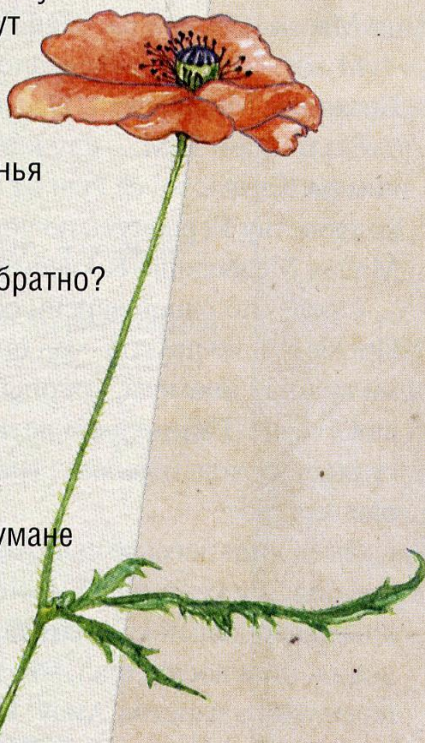

Рисунок Кристины Зайтунян-Белоус

Красный огонь украинской ночи

Вся жизнь Николая Гоголь – сплетение двух языков пламени: кипение жизни и страх смерти. Так устроена его вселенная, так живут его герои – на грани того и этого мира. На небе Бог, на земле человек, под землей черти.

Уютный космос деревенского художника – «все было светло в вышине». Там звезды играли в жмурки, колдун пронесся, сидя в горшке, рой духов «клубился облаком», плясавший при месяце черт снял шляпу.

Подземный мир ослепляет, парализует ум и волю: ведьма топнула ногой, середина земли «вся осветилась и стала как будто из хрусталя вылита; и все, что ни было под землею, сделалось видимо, как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах...»

В самое темное время года – в ночь перед Рождеством – кузнец Вакула одолел черта и получил в награду руку и сердце любимой Оксаны.

В самое светлое время года – в ночь накануне Ивана Купалы – несчастный Петрусь продал душу дьяволу и женился на своей возлюбленной Пидорке.

Спустя год архиерей, проезжавший через Диканьку, остановился в восхищении перед хатой, чьи окна были обведены красной краской, а на дверях нарисованы казаки на лошадях и с трубками в зубах. «А чья это такая размалеванная хата?» – спросил он у красивой женщины с дитятей на руках. «Кузнеца Вакулы!» – сказала ему, кланяясь, Оксана...»

Спустя год потерявший память, одичавший Петрусь вспомнил наконец-то, что ради золота принес в жертву ребенка. «...Привидение с ног до головы покрылось кровью и осветило всю хату красным светом». Сбежавшиеся люди нашли только кучку пепла там, где стоял Петрусь, а в мешках вместо золота битые черепки.

Красный цвет жизни, охраняющий от зла хату Вакулы и Оксаны.

Красный огонь ада, погубивший Петруся и Пидорку.

Вакула попадает на небо, совершив крестное знамение над чертом. Награда ему – шитые золотом башмачки. Петрусь совершает кровавое жертвоприношение и получает золото, превратившееся в прах

«Сорочинской ярмаркой» начинаются «Вечера на хуторе близ Диканьки», с роскошного летнего полдня. Здесь горят и переливаются все цвета: синий, золотой, зеленый, и даже звуки имеют окраску – серебряное пение жаворонка. Красный цвет возникает сразу в двух ипостасях: красные ленты в волосах у девушки Одарки и красное лицо ее мачехи. «А вон впереди и дьявол сидит!» – восклицает парубок в белой свитке. Но скоро появится красная свитка – чертова одежда. Пусть это всего лишь спектакль, устроенный цыганами, чтобы соединить влюбленных, но и колдун в «Страшной мести» носит красный жупан, и запорожец из «Пропавшей грамоты», продавший душу дьяволу, ходит в красных шароварах.

Даниил Соложев

1908-1994

Париж, Франция

На земле так много грязи и подлости...
Я хочу своим искусством унести людей в мир
фантазии и красоты

У девушек сорочки, вышитые красным шелком, коралловое монисто на шее, зеркальце, оклеенное красной бумагой. «Красная калиночка» называет любимую казак Левко.

Красная свитка не горит в огне, а разрубленная на куски срастается снова. Так костер вроде бы загашен, но языки огня, пробегаая по тлеющим поленьям, соединяются и вспыхивают мощным пламенем.

Действие в этих повестях может начинаться и днем, и вечером, но решается все после захода солнца – на фоне черного, мерцающего звездами бархата. Все события «Майской ночи» озарены огромным огненным месяцем, который «вырезывался из земли». Очнувшись от сна после встречи с панночкой, Левко увидел над головой месяц – тот «указывал полночь». Панночку погубила ведьма-мачеха, но сама она, утопленница, помогает влюбленным.

Спустя 15 лет Гоголь напишет страшную сказку «Вий». Здесь тоже светит месяц, но «обращенный», убывающий, и сияние его робкое. Пол в комнате, где стоит гроб панночки, застлан красной материей, а ее губы – «рубины, готовые усмехнуться». Войдя в церковь, Хома зажигает множество свечей. Но свет не испугал ведьму, и молитвы не помогли.

Кузнец Вакула, оседлавший черта, влюблен и бесстрашен.

У Хомы Брута, оседлавшего ведьму, сердце пусто и душа темна.

«Ночь перед Рождеством» – последняя love story в творчестве Гоголя. Ведь нельзя же считать таковой историю Андрия и прекрасной полячки в «Тарасе Бульбе». Настоящий герой здесь – крутой Остап. Андрий же – слабак, предатель, а в первом варианте еще и трус. Он, завидев во время боя отца, прячется за спины своих солдат. Во втором варианте писатель все-таки придал ему романтический облик. Повесть озарена огнем пожарищ, «фосфорическим, лилово-огненным светом». Языки адского пламени, срастаясь, как лоскутки красной свитки, пожирают землю, где все понятия о добре и зле слились в кровавое месиво.

Была у Гоголя еще одна попытка рассказать о любви, во втором томе «Мертвых душ», где «случилось что-то похожее на любовь», но и тут «дело кончилось ничем». Странное ощущение возникает при чтении этого незавершенного повествования. Есть два красивых умных молодых героя, Тентетников и Платонов; есть прелестная героиня Улинька, а поэма (!) постепенно превращается в дилетантское пособие по экономике раннего капитализма.

Может быть, и правда бросил писатель в огонь страницы второго тома, ибо почувствовал нестерпимую фальшь в развитии сюжета.

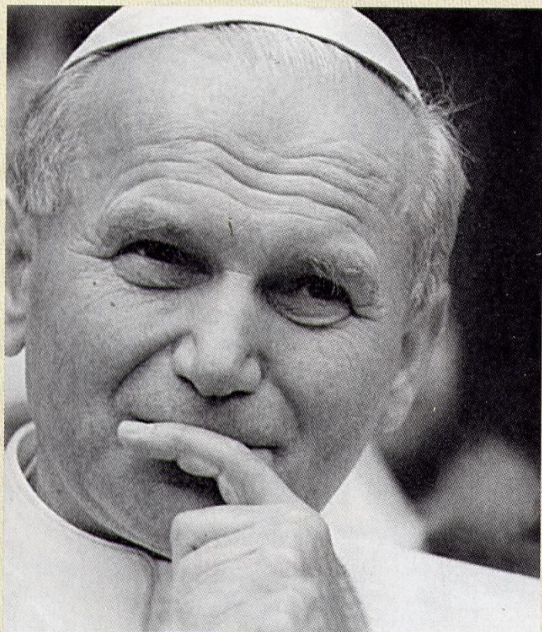
Или понял, что не может сказать о любви, как в «Сорочинской ярмарке» когда-то:

«Сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при какой горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею».

Кароль Войтыла, Иоанн Павел II
(1920 – 2005)

Таинство Пасхальное

1.
Нас омывают, смывают потоки времен, –
многое множество потоков неудержимых.
Текущие силовые поля,
в которых меняешься сам.
И смиряешься
с уносящим этим течением,
ибо на уносящих водах его
возрастает окружающий мир.
И осталось во мне самом
что-то от мудрости былых времен:
текут потоки,
уносят, смывают, –
изменяя самого тебя.
И знаешь наверняка:
поплывешь по течению,
и во прах обратишься,
потому что

всё существование твоё
уносится к будущей смерти,
и сама вливается смерть
во внутренний твой поток.
И вызовет ли она
из текущих этих полей?
И возвратит ли смерть
и прошлое твоё,
и будущее твоё – в существование едином?

2.
Таинство Пасхальное – Переход, Прохождение.
Прохождение – в обратном порядке:
не от жизни к смерти,
как учит опыт,
но –
Прохождение от смерти к жизни.
И во всём этом – запись о смыслах таких глубоких,
что до сих пор
не прочитаны, не разгаданы до конца.
Но – осязаемы.
И Таинство это – не во вражде с существованием
нашим,

ибо, скорее, – с нами враждует смерть...
Но если Кто-то
Тайнопись эту раскроет,
и расшифрует,
и на Самом Себе испытает,
совершив ПРОХОЖДЕНИЕ, –
только тогда
мы обретаем следы Бытия
и только тогда
приобщаемся Тайне,
в которой обрел Себя Тот, Кто ушел...
И мы – Ему вослед,
проходя сквозь разломы смерти, –
в пространствах Таинства себя обретаем.

3.
И не сдержать это множество уходящих потоков,
и с каждой смертью людской
всё возрастающий мир
входит в орбиты сознания

*«...у бога есть длинная лестница от
неба до самой земли. Ее ставят перед
светлым воскресением святые архангелы;
и как только бог ступит на первую ступень,
все нечистые духи полетят стремглав и
кучами попадают в пекло, и оттого на
Христов праздник ни одного злого духа не
бывает на земле».*

Н.В.Гоголь
«Майская ночь»

Евгений Рашковский

К поэтике Кароля Войтылы: введение от переводчика

Предложенный читателю перевод стихотворного цикла Кароля Войтылы (будущего Папы Иоанна Павла II) требует некоторых предварительных пояснений. Тем паче, что цикл этот, написанный в 1975 г., представляется мне одним из вершинных в его поэтическом творчестве¹.

1.
Непривычностью своей проблематики и поэтики этот цикл может представить некоторую трудность для нынешнего российского читателя.

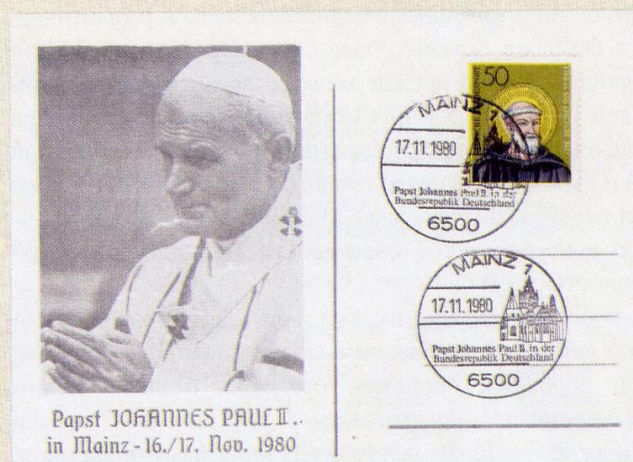
лишь кружением атомов неповторимых...
 Потому что
 в самих уходящих потоках творенья
 любой человек уходящий
 записан ударами сердца,
 потому что
 любой человек уходящий,
 который превыше всякого мира,
 любой человек уходящий,
 этот мир воздвигающий через себя и самим
 собою, —

изничтожается,
 уходит во прах,
 в темные первоосновы творенья...
 И более нет человека,
 а есть лишь Мир,
 прорастающий сквозь наши останки.

4.
 И лишь из немногих ЕДИНЫЙ
 совершил Свое Прохождение —
 наперекор убегающим всем потокам, —
 потокам, всех и вся уносящим, —
 наперекор самому движению силового поля Бытия,
 которым уносится каждый из нас:
 одинокий,
 непомерно огромный,
 неповторимый,
 заложенный в основу всего творенья.
 Имя этому Прохождению —
 Таинство ПАСХИ.
 Ради Пасхи спешили люди к вертепу, —
 к пещере,
 где место было только скотине;
 ради Пасхи люди чужих земель
 спешили за звездой далекой;
 ради Пасхи спешили люди к пустому гробу, —
 пустому, но исполненному света,
 а потом подымались люди на гору крутую,
 превознесенную над потоком Кедрона,
 и всё глядели оттуда на громоздящийся — весь
 в разломах — Город,
 в котором ОН доведен был до смерти.

А ОН —
 сдвинул Собою, собственной смертью —
 не только что камень гробный, —
 но и самое Землю,
 а с нею —
 и поток Кедронский,
 и городские разломы,
 и самый город...
 И, вроде бы,
 течет Кедрон в направлении прежнем,
 вроде бы,
 и потоки наших кровей опускаются к смерти...
 Но в каждом из нас
 ОН заложил начаток
 такого рожденья и такой жизни,
 что перерастают они смывающие нас потоки
 и смерть нашу — перерастают.
 И сей начаток —
 в текучем, все смывающем и всегда возрастающем
 мире —
 восстает против смерти.
 Превыше всякого разуменья,
 силою веры —
 сей начаток
 победил, опроверг, переспорил
 уносящийся мир.

Kraków, 1975 / Перевод: India, Thondvaddo, 06.01.11

Трудность содержательная связана с глубокой традиционностью и — вместе с тем — с ошеломляющей новизной поэтического подхода Кароля Войтылы к центральному Таинству христианства — к Таинству Пасхи.

Для того, чтобы приблизиться к основам понятийного строя этого цикла, я позволил бы себе предложить читателю короткую выписку из своей книжки «Православные праздники», — как раз из того раздела, который и посвящен празднованию Светлого Воскресения Господня²: «Смысловая глубина Пасхального праздника огромна. Исторически, Пасха христианская прорастает из Пасхи иудейской — праздника Исхода древнееврейского народа из рабства у египетских фараонов. Само слово Пасха — арамейский

вариант еврейского отглагольного существительного «песах» (глагол «пасах» многозначен: проходить, переноситься, колебать, щадить). По чудесному совпадению арамейское существительное «пасах» оказалась созвучным греческому глаголу «pascho» (страдать, претерпевать).

На Тайной Вечере, в канун Своих Страстей и Воскресения, Христос исполнил с учениками чин иудейской Пасхи — праздника избавления от зла, праздника пощады обреченных, — наполнив старое народное торжество новым смыслом. Чин пасхальной иудейской трапезы с преломлением Хлебов (мацот) и Чашею вина, со вкушением пасхального Агнца стал первой в истории и с тех пор вечно

¹ Перевод осуществлен по изданию: Wojtyła K. Poezje i dramaty. — Кр.: Знак, 1987. С. 95-97.

² Рашковский Е. Б. Православные праздники. — М.: Эксмо, 2008. С. 79-80.

длящейся христианской Литургией, посвященной Крестной жертве и всерадостному Воскресению Спасителя. Древний праздник национального избавления от жестокого иноплемennого владычества пресуществляется в праздник всечеловеческого избавления от владычества греха и смерти, в праздник искупительной Божественной пощады человеческому естеству; древняя национальная символика перерастает в символику Тео-космическую».

Текст цикла Кароля Войтылы «Таинство Пасхальное (Mysterium Paschale)» обнаруживает глубину и богатство библейских знаний и библейских медитаций поэта: пессимистические темы тех разделов Книги Бытия, где речь идет о грехопадении, пессимистические темы тех разделов пророческих речений, Псалтири, Книги Иова и Экклезиаста, где речь идет о трагизме человеческих и вселенских судеб перед лицом греха и смерти, — как бы пресуществляются поэтом в темы торжества и радости о Воскресшем Мессии. В стихах цикла отчетливо ощущается знание поэтом западной и восточной патристики, проникновенное знание Страстного и Пасхального чина как в Католическом, так и в Православном богослужении.

Итак, за содержательной трудностью стихов — почти утерянная современным человеком глубина погружения в духовно-исторический опыт Христианской Церкви.

2.

Трудность же формальную может представить для отечественного читателя сама неразрывная связь поэтики Кароля Войтылы с его родной, польской поэтической традицией. И здесь, во-первых, важно иметь в виду связь нашего поэта с традициями великой польской романтической (я бы даже сказал точнее: *метафизической*) поэзии позапрошлого века: прежде всего, с поэзией Адама Мицкевича и Циприана Камилля Норвида, но также и Юлиуша Словацкого. Это — изощренный (почти барочный) образный строй и неразрывная связь тем высокой печали, сердечной сокрушенности и — надежды. Надежды вопреки всей природной и исторической очевидности, надежды, питаемой сердечностью веры.

А, во-вторых, важно иметь в виду связь поэтики Войтылы с традицией польского свободного стиха (верлибра) второй половины прошлого столетия, ставшей неким художественным «антитезисом» многословию поэзии классической³. Можно вспомнить в этой связи имена таких не похожих друг на друга мастеров польского метафизического верлибра второй половины XX века, как поздний Леопольд Стаффа⁴, Мечислав Яструн, Тадеуш Ружевич, Зыгмунт Херберт, Юзеф Ольшевский и др.

Всем этим поэтам свойственны заведомый, я бы даже сказал — программный, лаконизм поэтического высказывания и изощренный язык недоговоренностей и многозначных метафор. Язык, особенно трудный для перевода. К

сожалению, искусство переводов современного польского верлибра (равно как и верлибров Запада и Востока) на русский язык пока еще встречает у нас много трудностей. Русский язык сроднился с виртуозным размерным и рифмованным стихом, и в этой области русская школа поэтического перевода достигла высот необычайных. А вот «ключ» русской просодии к иноземному верлибру почти что и не найден. Верлибры зачастую переводят, исходя из «арифметики» поэзии:

слово к слову, образ к образу, значение к значению. Почти как прозу. Однако приходится «делать» свободные стихи, еще исходя и из «алгебры» поэзии: как ритмически упорядоченный «порыв» русской речи⁵, да к тому же и согласованный со сквозными и не всегда выговариваемыми смыслами (я называю их надтекстами) оригинала. Здесь важна не дисциплина рифм и размеров, как при переводах поэзии традиционной, но дисциплина смыслов подлинника плюс неписанная дисциплина русской просодии.

Еще одна трудность освоения поэтического наследия Кароля Войтылы — его особая, я бы сказал интимная, связь с традициями польского философствования и богословия XX столетия. А одна из сквозных тем польской мысли — пронизанность человеческого существования и мышления множеством пересекающихся жизненных и интеллектуальных потоков⁶, или — по словам польского философа, математика и художника Леона Хвистека (1884-1944) — «множеством действительностей»⁷. Так что для того, чтобы сблизиться, чтобы стать со-Бытием, человеческая личность призвана отыскать и выразить себя в этой конфликтной и всегда подвижной множественности своих предпосылок. По убеждению же нашего поэта, человек и человечество способны отыскать и выразить себя только во Христе Воскресшем.

3.

Таковы основные предпосылки моей переводческой работы над стихами Кароля Войтылы, Папы Иоанна Павла II, замечательного польского молитвенника, мыслителя и поэта. В этой работе я пытался исходить, по крайней мере, из двух следующих принципов:

— из принципа учащенной строфики как некоего (восходящего еще к Маяковскому) подобия нотного письма в поэзии, — строфики, обозначающей ритмы и интонации, перебои дыхания в паузах и цезурах, которые присущи именно поэтической русской речи;

— из принципа невозможности прямолинейного, дословного перевода (как это подчас случается у иных наших переводчиков польских верлибров): очень важно выдержать певучие ритмы русского свободного стиха⁸, но и как-то «размягчить», «расковать» непривычную для российского читателя лапидарность современного польского метафорического письма.

³ Правда, следует иметь в виду, что Мицкевич и в особенности Норвид в своих поздних поэтических миниатюрах искали пути преодоления этой «барочной» и романтической выпренности и многословия.

⁴ Об этой стороне творчества Стаффа см.: Рашковский Е. Б. «Душа молчанья» (заметки о лирике Леопольда Стаффа) // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. — М.: Наука-ГРВЛ, 1989. С. 285-294.

⁵ Вспомним в этой связи бергсоновскую категорию «жизненного порыва»: *élan vital*.

⁶ Эту тему читатель легко обнаружит в публикуемом ниже стихотворном цикле Кароля Войтылы.

⁷ *Wielosc rzeczywistosci*.

⁸ Вспомним поэтические опыты Блока («Она пришла с мороза...»), Кузмина и Хлебникова, а также один из вершинных опытов нашего верлибра — «Послушайте!» Маяковского.

Валентин Никитин

доктор философии, академик РАЕН,
обозреватель журнала "Наука и религия"

Иоанн-Павел, Папа Римский – новый блаженный в сонме католических святых

Путь к святости лежит через покаяние. Это аксиома христианской аскезы и нравственности. Личная праведность Блаженного Иоанна-Павла широко известна всему миру. Гораздо менее известно, особенно в России, что 12 марта юбилейного 2000 года он публично, перед всем миром, попросил прощения за грехи, совершенные Католической Церковью на протяжении ее двухтысячелетней истории. Тот день знаменательно совпал с Прощеным воскресеньем по православному календарю. Знаменательное совпадение не случайно, ибо Иоанн Павел II всячески подчеркивал свое стремление к примирению и единству с православными. Совершая мессу в тот день, Папа вышел далеко за рамки традиционной просьбы о взаимном прощении грехов. Прекрасный и трогательный этот обряд издревле укоренился на православном Востоке. Вспомним слова Достоевского в «Братьях Карамазовых», что каждый друг пред другом виноват и обязан просить прощения. Папа-славянин хорошо знал русскую классику и традиции православных. Подготовка к беспрецедентному в истории христианства сакральному акту, получившему наименование Великого Покаяния, велась Папой много лет. Он неоднократно подчеркивал: Церковь должна войти в III-е тысячелетие по Рождестве Христовом духовно обновленной и творчески дееспособной, а это невозможно без признания ошибок, без покаяния и примирения с другими христианскими конфессиями. Богословские предпосылки для такого подхода были заложены его предшественниками – Иоанном XXIII и Павлом VI. Но Папа Иоанн Павел II пошел гораздо дальше. Его покаяние явилось духовной кульминацией всего понтификата.

... Теперь мы знаем, что Иоанн-Павел II исполнил Волю Господню. Благодарение Богу, беатификация его наконец состоялась. Бенедикт XVI причислил своего непосредственного предшественника к лику блаженных. Таким образом, первый Папа-славянин стал на шаг ближе к провозглашению его святым; или даже на полшага! Ибо ясно, что от беатификации к канонизации Великого Понтифика, который уже при жизни справедливо почитался святым, даже меньше, чем полшага.

... Папа был глубоким богословом и философом, выдающимся интеллектуалом и вдохновенным поэтом, знавшим многие языки. Человек исключительной скромности, он старался во всем соответствовать исконному титулу Папы – Servus Servorum Dei (раб рабов Божьих), не использовал местоимение мы, как это принято у царствующих особ, отказался от церемонии коронации, избегал носить папскую тиару.

... У нас нет сомнения в том, что беатификация и канонизация Иоанна-Павла II даст новый, и несравненно более сильный импульс для возгревания памяти о нем, и тем самым в еще большей степени послужит доброму делу единства Святых Божиих Церквей.

Фрагменты доклада, прочитанного 15 мая 2011 г. в
Культурном центре "Покровские ворота", Москва

Шерил Перссон

Сидней, Австралия

Cathedrals

If I lived in Europe I would believe
in God. I would squat in churches,
prostrate myself on stones rubbed
centuries smooth, obeisance of
the faithful. I would lie transept-
aligned, arms outstretched, sign
of the cross, eyes fixed on heaven,
my communion mouth wide open,
to sup from cupolas dripping
gold, buttressed by belief in
glass stained with the blood of
martyrs, chalices cast in silver,
mottled marble alters, priceless
triptych, holy bulls and bones of
John the Baptist. In cathedrals

I would marvel at soaring, vaulted ceilings arching up to god, a chapel for every sin, wonder at the faith of peasants who toiled in God's name, believing monuments secure eternal life. If I lived in Europe I would know that God saves riches and saves souls. I would never leave the galleries, the Goyas, Michelangelo, El Greco, and the brothers. If my home was a cathedral I would seek the fate of saints, Catherine on the wheel, the barbs of St Sebastian, the faithful in their crypts, the trinities, a plethora of Jesus, crucified, cross on cross, anoint myself with oil and ash and long for my stigmata. I would sing of sure salvation, shout stories of the damned and gape grotesque, a gargyle, to threaten Lucifer away. If I lived in Europe I would believe.

But my home is antipodean,
the broad church, Gondwana
set adrift from other continents,
so large that god seems small
and petty, all his European
frippery is gauche compared to
deserts red as blood, a mosaic
land of colours, contours,
textures of all times, jigsaw
creatures and haunted dreaming.

Соборы

Если бы я жила в Европе, я верила бы
в Бога. Я преклоняла бы колени в церкви,
падала ниц на гладкие камни, отполи-
рованные за века поклонений в вере. Я
лежала бы распростертой
в нефе, раскинув руки, знаком
креста, взглядом в небо,
ртом, открытым навстречу причастию,
капающему с куполов
золоту, подпорками которому вера, в
витражах, окрашенных кровью
мучеников, чашах из серебра,
мраморных алтарях, бесценном
триптихе, святых печатях и прахе
Иоанна Крестителя. В соборах

я дивилась бы высоким, потолкам, сводам, восходящим к богу, по часовне
за каждый грех, и изумлялась бы вере крестьян, трудившихся во имя Его, веря,
что храмы даруют им жизнь вечную. Если бы я жила в Европе, я знала
бы, что Бог спасает богатых и спасает души. Я не выходила бы из галерей,
Гойя, Микеланджело, Эль Греко, ученики. Если бы моим домом был собор, я
стремилась бы к судьбе святых, колесу великомученицы Екатерины, стрелам
святого Себастьяна, к погребенным в склепах, Тронце, крови Иисуса, распятой,
крест на кресте, помазанию елеем и пеплом, и жаждала бы стигматов. Я пела бы
о верном спасении, плакала о навечно погибших и поражалась невероятному,
горгулье, отгоняющей прочь Люцифера. Если бы я жила в Европе, я верила бы.

Но мой дом среди антиподов,
широкая церковь, Гондвана,
ушедшая в дрейф от других континентов,
столь огромная, что бог кажется неважным
и мелким, вся его европейская
бижутерия выцветает рядом с
пустыней, красной как кровь, этой землей
разных красок, линиями,
тканями всех времен, мозаичными
существами и призрачными видениями.

Перестроила собор по-русски
Татьяна Бонч-Осмоловская

Наталия Азарова

друг ДООСа

гоголь и неаполь

клубок подушки
гоголь боли
растворки створки внутримышечные
заворки отмытые
писать туда сюда дорогой выезжая из погоды
авось тепло в пещерных тряпках
точно отступаюсь
чтобы ему заго о боге
он в силу многоопыт
в цветущих тучах до грозы
в цветущих тучах
обо мне запутались

гоголь в париже

куча!
какая куча!

зевали-зеваки
гуляли-гуляки

ели-едоки
сидели-седоки

пили-пьяницы
блудили-блудницы

писали-писцы
творили-творцы

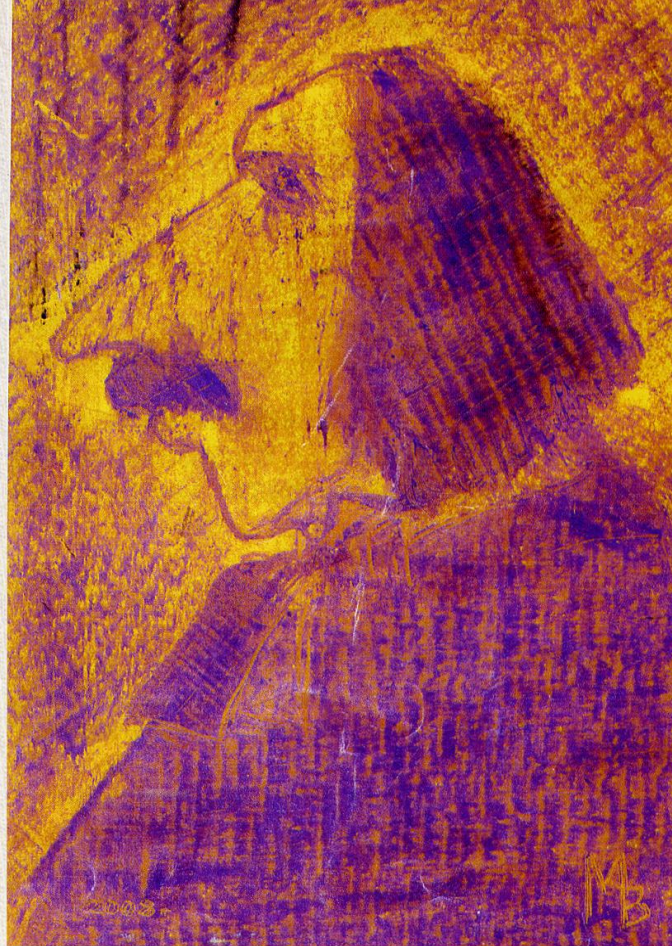
какая
куча
волшебная!

роскоши натворили

пили
свой жирный кофий

пили
из громадных чашек

функции функционировали
сопло
жерло
неплохо

Гоголь

Рисунок Владимира Миодушевского (г. Владимир)

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Специально для ПО

Анаграммный Гоголь

русский
Николай Гоголь

глико огонь лай
околь гной игла

английский
Nikolay Gogol

A gig only look
Gay long I look
Go on ill yak go
King loyal goo
Lo gay looking
Lo yank gigolo

Login ok go lay
Lola yo king go
Look oily gang
Okay gill no go
Ya go on go kill
Yolk I go along

«Я слышал между прочим, что у вас в Париже завелись шпионы. Это, признаюсь, должно было ожидать, принявши в соображение это большое количество русских, влекущихся в Париж мимо запрещений... Будь осторожен! Я уверен, что имена почти всех русских вписаны в черной книге нашей тайной полиции...»

Н.В.Гоголь,
из письма к А.С.Данилевскому

Алексей Торхов

ДООС – торозавр
Николаев, Украина

Поразумиймост

– А что, кум, доплывёт это колесо
до Херсо...
– На!

Каждый круг от Слова,
долетевшего до середины Днепра,
одновременно
: упирается в берег правый...
: упирается в берег левый...
: обгоняет течение...
: пересекает эпицентр сказанного...

Вот и сегодня.

Мост Патона –
Поразумиймост.

Перевожу дряхлого дедушку Колю
на другую сторону:

И ...уден Днепр при ...ихой погоде...

Всё в твоих. ру...

если даже в последний
отпущенный раз
: сможем не думать
: взгляд отведём
: промолчим

наши тени от нас отрекутся
город захватят
за руки возьмутся

сольются во тьму

Знаки препинания. Версия 200.7

1.
запятая – порез
откуда продолжает
словоточить
2.
тире –
перетягивание каната
между недосказанным и ожидаемым
3.
в сердце предложения
пулевое отверстие –
точка

Александр Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

Специально для ПО

ГОГОЛЬ = LOLOVe

«Ну-ка, зеркальце...» – Уже сказала!
Буква-сладость и Буква-соль...
в Зазерканье ГОГОЛЬ – это LOLOVe –
зайКающаяся Любовь!..

Буквология Гоголя

г о г о л ь

г о г о л ь
к о р о л ь
о, р о л ь

«...и когда я сказал: "Господа, спасем луну, потому что земля хочет сесть на нее", - то все в ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желание, и многие полезли на стену, с тем чтобы достать луну...»

Н.В.Гоголь

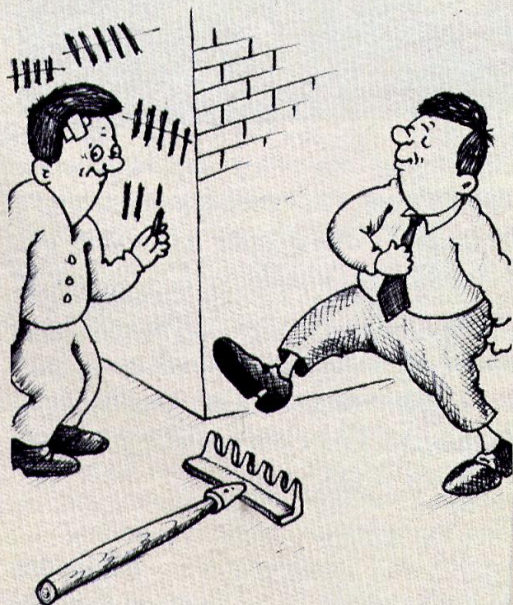
«Записки сумасшедшего».

Александр Моцар

ДООС – лавразавр
Киев, Украина

Я как-то вышел
Я сразу понял
Я не Поприщин
Я другой
Я все до фени
Я если честно
Я параллелен
Я мне здесь тесно
Я где-то танец
Я свет туши
Я улыбаюсь
Я нет души

Посмотри, в монохромном осеннем небе скрипят тучи.
У них острые, злые края, как осколки, небо режут.
Впечатление первое – LSD насосался и тебя глючит.
Но потом понимаешь, что находишься где-то между прочим
у алжирского Дея под носом шишка.
Утверждает Испанский Король Поприщин, впрочем
может он не король вовсе,
просто такая фишка
у него,
и он головы всем морочит.
Что, мол, тучи с краями как бритва небо режут.
Смилуйся над нами Господи, помоги Отче.
Мы опять застряли непонятно где, между прочим.

Рисунки Игоря Ревякина
Специально для ПО

ПОздравляем!

ДООС поздравляет днепрозавра **Александра Чернова** – он стал победителем супертурнира поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии: поверх барьеров», который проходил в Лондоне в начале июня.

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

Чистый аркуш

Когда граф Калиостро в последний раз наведывался в Полтаву, поглазеть на сверхчеловека слетелось все тамошнее малороссийское дворянство. В один из дней перед Калиостро предстала пожилая помещица с перепуганным и сопящим внуком. Граф медленно обошел, разглядывая со всех сторон, старушку и малыша, посмотрел в окно, где селяки запрягали рогатых волов в карету, зевнул и неожиданно сказал по-русски: «Сей станет Гоголем!»

«Словарь Хазарский» вышел давеча,
и в забегаловке «Визит»
пропойцы так читали Павича,
что плакал с Косточки бандит.

В котлах размешивали специ
монахи, с криком: «Охолонь!»,
на злые лысины турецкие
сливали греческий огонь.

Чалмой клубился янычар,
живым костром коня и всадника,
и говорящий дым рычал,
в пивной размахивая сабелькой...

Гасила водка из картофеля
осады горечь и ущерб.
Когда-то мы учили Гоголя,
но Колька Гоголь не был серб.

«...Один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него – лопатус, баба – бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латыньщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот,

ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и – хватъ его по лбу. «Проклятые грабли! – закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин, – как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!»

Н.В.Гоголь

«Вечера на хуторе близ Диканьки».

Магический круг

В круге,
Очерченном твоим телом,
В круге, очерченном
Твоим телом,
Я шепчу, крича,
Я кричу, шепча:
«Твоя любовь – моя тюрьма,
Твоя любовь – моя тюрьма,
Создавшая меня».
Не отрекаюсь,
Не зарекаюсь –
От той тюрьмы,
От той суммы,
В которой мы.

В небе прореха,
Клокочет эхо,
Как «о» из смеха,
Мне твое лицо
Дороже смеха
И эха.

Слепой скульптор
небытия
Не знает «я»,
Что по губам,
как по складам,
Читаю я:
Твое лицо –
Моя тюрьма,
Оправдывай меня!
Все говорят:
Любовь груба
Твоя.
Боготворю –
Бога творю,
Пью.
Из твоих губ
Любовь пью,
Пою.
Уста – у ста.
Мне твои уста –
Вода

Она чиста.
Боготворить – бога творить,
Пить.
Жить – тебя хранить.
Вот уже не я.
Вот уже земля
Дня.
Город-идиот
К нам плывет,
Как плот, –
Мир к нам
Плывет.

Рисунок Кристины Зейтунян-Беллуус

Яна Павелковская

*

Измерять глубину одиночества можно часами,
Можно пульсом, слезами, изменой, спасеньем от боли,
Оправданьем того, что нелегкие выбраны роли,
Непростой и извилистый путь... А потом утонуть.

Перестать улыбаться и петь, замечать кавалеров,
Разглядеть не суметь, что любые морщинки от нервов...
Пустоту мне всегда так легко наполнять новым смыслом...
Что сложнее сейчас – не дышать, не писать тебе писем?

Мне опять танцевать в темноте с черным замершем сердцем,
В каждом такте встречаясь с закрытою наглухо дверцей
За которой во мне ты стократ отражаешься в лужах,
В зеркалах и влюблённых зрачках неизбежных подружек.

Это гордость, я знаю, но что-то менять слишком поздно.
Я оставляю тебе только воздух, свободу и звезды,
Темноту полноты и простор Пустоты и Влеченья –
Райский выбор того, что имеет сегодня значение...

Вот и славно, что не существует возврата, куда там...
Семь последних шагов я сегодня пройду по канату
И приму между тем аксиому пасьянса Марии...
Семь шагов, чтоб забыть насовсем, как меня не любили...

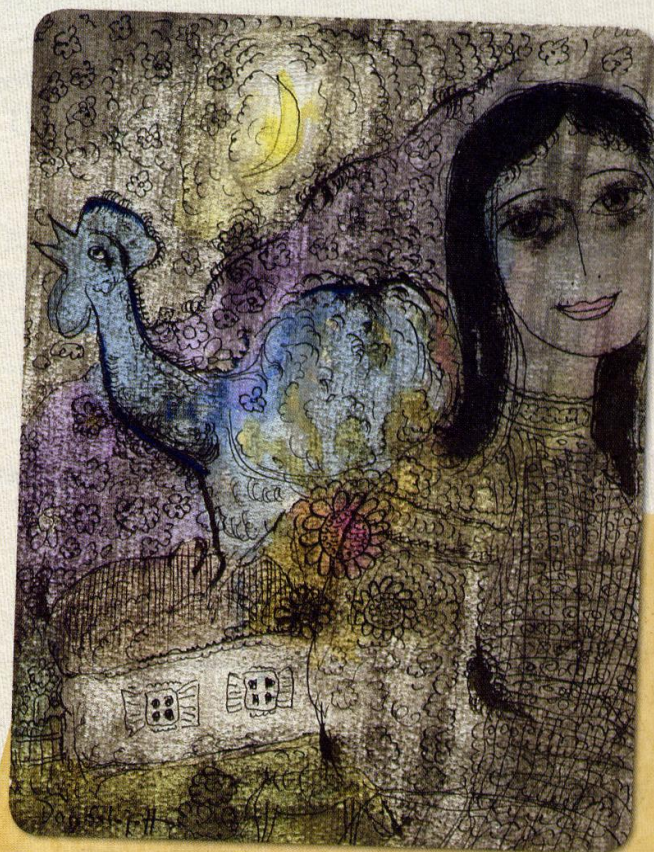

Рисунок Даниила Соложева

«На миг остолбенев, как прекрасная статуя,
смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с
чудною женскою стремительностью, на какую
бывает только способна одна безрасчетно
великодушная женщина, созданная на
прекрасное сердечное движение, кинулась она
к нему на шею, обхватив его снегоподобными,
чудными руками, и зарыдала».

Н.В.Гоголь
«Тарас Бульба»

Александр Люсый
 ДООС – текстоавр

Путевая эдемософия

Чем именно ощущал Гоголь пространство, в невероятном количестве увиденное и как будто вобранный вовнутрь? Ногами? Тем, чем приходилось сидеть на быстрой, но все же в реальности не птице – тройке? Может быть, позвоночником?

Любопытную трактовку именно в данных (северо-южных) координатах прочтения творчества Гоголя предпринимает Ирина Поплавская (Мифопоэтика сюжета путешествия в раннем творчестве Н.В. Гоголя». – Святоотеческая традиция в русской литературе. Ч. 2., Омск, 2005).

Так устанавливается, что мифопоэтика сюжета путешествия в раннем творчестве Н.В. Гоголя генетически связана с двумя культурными традициями. Одна из них восходит к ветхозаветному сюжету об исходе иудеев из Египта и Вавилона в Иерусалим и Землю Обетованную. В этой культурной традиции Иерусалим сопоставлен с Востоком, а Египет и Вавилон с Западом. Египет воспринимался как «дом смерти, страна языческой магии и зооморфных существ». Вавилон же становится символом ложной мудрости, противостоящей истинной Софии, сатанинским городом, как говорится о нем в книге пророка Исайи. Такого рода оппозиции заимствованы Гоголем отчасти у основоположника Крымского текста Семена Боброва (из его поэмы «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец»).

Путешествие Ганца Кюхельгартена из Германии в Грецию воспринимается в пространственно-географическом аспекте как путешествие с Запада на Восток, с последующим возвращением на родину, как поход за гнозисом, как поиск Ганцем сакрального знания и сакрального слова. Путешествие Ганца на Восток неотделимо от поиска нетленной Премудрости. А возвращение с Востока на Запад в ветхозаветном контексте прочитывается как отказ героя от ложной мечтательности и как момент его духовного преображения, как примирение мечты и действительности. Можно сказать, что сюжет путешествия-возвращения в этом произведении Гоголя отчасти проецируется на теорию циклического развития каждого народа от детства к юности и зрелости.

В другой культурной традиции, новозаветной, христианский Восток соотносится с Раем и изображается в виде сада, Эдема, и Рая как города, как Небесного Иерусалима. Если Эдем, о котором говорится в Книге Бытия, создан с началом человеческой истории, то Небесный Иерусалим, представленный в Апокалипсисе, является ее эсхатологическим завершением. В этом контексте сюжет путешествия воспринимается как поиск героем утраченной Земли Обетованной, а возвращение его на родину – как принципиальная возможность обрести Рай здесь, на земле и как локализация его в пространстве семьи, в рамках семейной идиллии Луизы и Ганца. Путешествие героя с Востока на Запад трансформируется в пространственную вертикаль, соединяющую небесный и земной миры, идеал и действительность, мечту и жизнь. Интересно высказывание современного исследователя о том, что «истинный путь предстает не как движение по горизонтали, а как движение

по вертикали, «вверх», как фигуральное восхождение к святости. Подобное восхождение, по Гоголю, и есть абсолютный выход из заколдованного места, открывающий перспективу преображения человека, его нового рождения».

Художественно более состоятельный северо-южный инициальный проект в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» воспроизводит в отдельных деталях структуру волшебной сказки, включая в себя четыре основных момента: уход героя из дома, поиск волшебного помощника, временную смерть, за которой следует воскресение, а затем возвращение на родину. В контексте ветхозаветной гностической традиции путешествие Вакулы из Диканьки в Петербург осмысливается в пространственном отношении как движение с Юга на Север, где Юг символически соотносится с Западом, а Север – с Востоком. При этом образ Диканьки выступает как своеобразный центр западного мира, который имеет тенденцию к неограниченному расширению как во внешнем, так и во внутреннем плане. Так, упоминание в повести сорочинского заседателя и шинкаря из Нежина, городов Миргорода и Полтавы формирует характерную центробежную пространственную модель повести. Напротив, подробное описание внутреннего убранства диканьской церкви, хат Чуба, Солохи и Пацюка обнажает центростремительные пространственные связи. Эти противоположные тенденции создают целостный и одновременно внутренне противоречивый мир, онтологическая сущность которого определяется через распадение слова и дела, намерения и поступка. Приказание же Оксаны достать ей сапоги, которые царица носит, воспринимается как словесный императив для героя, заставляющий его отправиться в Петербург, который так же, как и Диканька, оказывается целостным и в то же время внутренне поляризованным миром. С одной стороны, Петербург как русский аналог Иерусалима, как средоточие земной Премудрости органично совмещает в себе слово и поступок, становится своего рода символом исполненного слова. Вместе с тем, проводником героя в Петербурге выступает черт. Возвращение в Диканьку описывается, как и реальное, и метафизическое воскресение. Так через пространственное движение главного героя с Юга на Север и обратно раскрывается своеобразие трактовки писателем гностического. Подчеркивается равнозначность и Диканьки, и Петербурга в плане обретения героем высшего здания. В параллельной христианско-мифологической традиции путешествие героя с Юга на Север соотносится с картинами Страшного суда и Ада, находящихся соответственно в правом и левом притворах диканьской церкви. При этом правая сторона воспринимается в повести как аналог Севера и Востока, а левая – Юга и Запада. Пространственная симметрия, объединяющая в повести Север (Петербург) и Юг, Восток и Запад, проецируется на ключевые символы Священной истории. Е. Дмитриева («Крым как мифологическое и геополитическое пространство у Гоголя») также выводит Крымский текст из райского измерения. В «Вечерах» Крым оказывается катализатором действий нечистой силы: Крым – шинок – дьявол. Крым у Гоголя – это

одновременно и Аркадия (что связано с темой путешествия царицы), и эсхатологическое пространство.

Итак, мы обрисовали систему координат художественного пространства, в котором развернется знаменитый авторский монолог «Мертвых душ»: «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое?..»

Почему и в «патриотическом месте» поэмы прямо поминается черт? Хотя Гоголь прячет своего давнишнего персонажа под маской стершегося выражения, фразеологического оборота («черт побери все»), сам контекст этого упоминания выпячивает демонический смысл данного образа, поскольку рядом говорится о «неведомой силе», которая подхватывает автора — лирического героя на крыло к себе. Топика других произведений Гоголя подсказывает, что та сила, которая неизменно подхватывает его героев «на крыло», как птица тройка подхватила Чичикова, — это вполне «ведомая», нечистая сила. В «Ночи перед Рождеством» черт несет Вакулу по воздуху, в «Вие» ведьма-панночка увлекает Хому в ночной полет. Таково же значение птицы тройки, подхватившей и закружившей Чичикова.

Знаменательно, что само сравнение тройки с птицей предваряется у раннего Гоголя сравнением черта с птицей. «Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!» — приказывает Вакула черту, и тот покорно подымает его в воздух. Соединение снижающего образа «черта» и возвышающего образа «птицы» уже задано в ранней повести. Вокруг мотива быстрой езды выстраивается устойчивый образный треугольник: тройка — птица — черт.

Само движение Вакулы на черте и Чичикова на тройке у Гоголя описано сходно. Характерно, что черт, приземлив-

шись вместе с Вакулой, «оборотился в коня». И дальше вихревое движение этого черта-скакуна совершенно совпадает по пластике изображения с бегом коней, олицетворяющих Русь. «Боже мой! стук, гром, блеск...; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон...; мосты дрожали; кареты летали... огромные тени их мелькали...» («Ночь перед Рождеством»). «Гремят мосты, все отстает и остается позади... Что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? ...Гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли...» Одно и то же «наводящее ужас движение» изображено в полете на черте и в полете на тройке: «мосты дрожали» — «гремят мосты»; «кареты летали» — «летит вся дорога»; «отзывались громом» — «гремит воздух»; «пешеходы жались и теснились» — «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Гоголевское величание Руси-тройки достигает мистического апофеоза в словах: «и мчится вся вдохновенная Богом». Это выражение, однако, тоже не лишено амбивалентного смысла. В ранней повести Гоголь как бы заведомо придает юмористическое звучание этому патетическому образу. Вакула, принесенный в Петербург чертом, засовывает его в карман и входит к запорожцам, которые приветствуют его: «Здорово, земляк, зачем тебя Бог принес?» Мимоходом, для непосвященных, черт назван богом. И такое же головокружительное превращение — словно незаметно для автора — происходит в лирическом отступлении. «Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» — «мчится вся вдохновенная Богом». То черт кружит эту тройку, то Бог ее мчит — в данной образной системе антонимы выступают как синонимы.

Еще разительней переключка этого отрывка о быстрой езде с «Вием», где Хома скачет на панночке. Здесь еще сохраняются сказочные атрибуты «Ночи перед Рождеством» — ведьма ударяет Хому метлой, но уже гораздо ближе не юмористически-фольклорная, а восторженно-лирическая, сладостно-патетическая поэтика «Мертвых душ». Интона-

Из истории ДООСа

«...резвунья стрекоза
треща вилась...»

Н.В Гоголь
«Ганц Кюхельгартен»

ция «Вия» как бы сама переходит в интонацию лирических отступлений, подхватывается и несется дальше. В нижеследующей сборной цитате трудно различить фрагменты двух произведений, настолько плавно они перетекают друг в друга, демонстрируя стилевое единство демонического хронотопа:

«А ночь! небесные силы, какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!...» («Мертвые души»). «Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятым всадником на спине... Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хоть и неполном свете. Долины были гладки, но все от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах» («Вий»). «...Что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться попадающий предмет...» («Мертвые души»).

Образ мельканья в колдовских сценах соответствует мерцающему свету луны или переливчатому звону колокольчиков — во всем ощущается зыбкость и колебательность, предметы тут же пропадают, едва показываясь на глаза, их вихрем уносит в какую-то неведомую даль или пропасть. Разреживается сама ткань действительности, пропуская через эту стремительную скачку, через мгновенные промельки — мнимость, небытие. И сама тройка, подобно своему демоническому прототипу, то и дело рассыпается прахом и пылью, уносится в никуда. «И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка».

Отсюда и характерное для колдовских сцен постоянное колебание между сном и явью, стирание грани между ними: то ли существует эта страна, то ли только чудится. «Видит ли он это, или не видит? Наяву ли это, или снится?» («Вий»). «...Как соблазнительно кладется дремота и смежаются очи... Проснулся — и уже опять пред тобою поля и степи, нигде ничего... Какой чудный, вновь обнимающий тебя сон!» («Мертвые души») — так описана в лирическом отступлении знаменитая дорога, «странное, и манящее, и несущее, и чудесное». То, что в «Вие» предстает как вопрос, в «Мертвых душах» превращается в принцип изображения самой дороги: сон и явь чередуются, размываясь друг в друге. На одну страницу описания дороги приходится три засыпания и три пробуждения: «уже сквозь сон слышатся... проснулся: пять станций убежало... убаюкивает тебя, и вот уже дремлешь и забываешься, и храпишь... проснулся — и уже опять перед тобою поля и степи... какой чудный, вновь обнимающий тебя сон! Толчок — и опять проснулся». Это мелькание уже не пространства в окнах проносающегося экипажа, а всего мироздания перед взором человека, закружившегося в вихре сновидений. Эта зыбкость восприятия характеризует психологический аспект особого («демонического») хронотопа Гоголя, с его мерцающими, миражными свойствами.

Фотография Александра Лысенко (Вена, Австрия)

Алина Витухновская друг ДООСа

Лишь идеальные кислоты
Подобны вечному наркозу.
Мне мавзолейные стрекозы
Щекожут крыльями мимозы
Кусок расстрелянной аорты.

А жизнь выходит как заноза.
Я стала хохотом бесплотным.
Уже ль исполнились угрозы,
И полон город смрадом потным?
То Смерть пришла, ей так угодно.
В Москве кровавые болота.
И крематорий папиросный
Впервые за пустые годы
Вдыхает запахи свободы.

Я вышел из Байрона бешеным Шелли.
Я вышел из гоголевской шинели.

Я вышел на Лиговку уголовно.
Мне дали шалавы нулей условно.

И щели земли, тьма ее влагилиц
Меня не смогли заманить в Валгаллу.

Валгалла зла. И, глодая волю,
Меня влекла к ледяной юдоли.

И Волга шла голубою кровью.
Я жаждал зла, но иной любовью.

«Но кто среди ночи, блещут или не блещут звезды, едет на огромном вороном коне? Какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами, над озерами, отсвечивается с исполинским конем в недвижных водах, и бесконечная тень его страшно мелькает по горам? Блещут чеканенные латы; на плече пика; гремит при седле сабля; шелом надвинут; усы чернеют; очи закрыты; ресницы опущены – он спит».

Н.В.Гоголь
«Страшная месь»

Крайзер Ферлай

Киев, Украина

Вороной

Осёдлан вороной
по имени Уран.
Подкованный лучом,
Скуратно собран топотком
по шпалам,
по плечам,
по мостовым быкам,
И выброшен молитвы ражьей
охапкой щедрой
в брюхо облакам.
Кичась, клубит пылающую гриву
И горклый пепел, жирный псиной
избытка выморочной силы;
Несётся, не в укор,
в скоромный корм скотам,
кудряво сдобренный
энзимами бензина.
Что день, что ночь,
не просыхает хохот;
И конь, потехи для,
алмазными зубами рвёт
Из-под попон попоек,
из себя
Вовек не запустеющую жилу...
Пегас, искаженный
хтоническими недрами кронида!
Медузье стремено,
сволоченный в охотку, волоокый,
Принявший крупное тавро;
Возьми,
да дай мне эту мощь в обрат,
Распада грузно
грязно
грозного...
Достойного борзых
немногих.

Всадник.
Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Дарья Серенко

Ковчег

«После нас – хоть потоп», –
Приговаривал Ной,
И ковчег раздавался вширь...
И плодилось зверье, и прело зерно,
У людей заводились вши.
А никто не знал, ничего не знал,
Были слухи про сорок дней.
Простыней свалывшаяся белизна
Становилась грязней, темней...
И подумал Ной, что пришла пора,
И согнал со стола мышей.
И затих ковчег – на плаву сарай,
И задвигались сотни шей.

И сказал им Ной, что святая кровь
В жилах этого корабля,
Что един язык и на общий зов
Появиться должна земля.
И взревел ковчег, и затих ковчег,
И раздвинулась тишина,
И молился истово человек,
И не трогала мышь зерна,
И забился голубь о потолок
Так, что выпустили его...
Каждой твари – тварь,
каждой твари – Бог,
Выгружаемся, кто живой!

Борис Колымагин

+
Мне нравится когда течет
и весь народ наперечет
вздыхает: нет зимы.

В помойке голубь словно мышь,
машины, брызги, гладь да тишь,
и у окошка мы.

Ведем разведку: скок-ползут
к универсаму – там и тут,
и мокрый тополь;
мокрый Гоголь:
все ясно, нет зимы!

+
По отражению дерева
Перебегаю на ту сторону

+
И люди словно деревья
на остановке
без всякого
бого-
подобья
паденья
парус
и тот вдали —
веселый такой отшельник

Фотография Елены Кацюбы

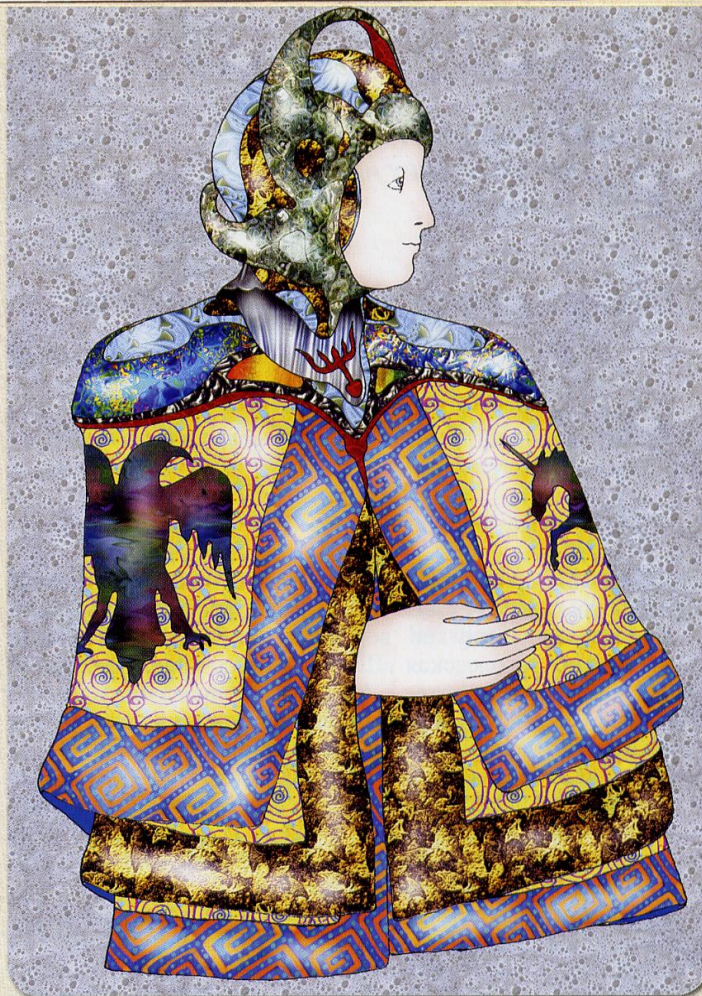

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Ганна Шевченко

ДООС – пчела

* * *

Тиха расплавленная ночь
в степи восточной Украины,
не превзойти, не превозмочь
не долететь до середины.

Но отрывается скала,
плывёт, как парус одинокий
в тумане моря и стекла,
чтобы найти в стране далёкой

дом, что цветёт на валунах,
растёт и делается выше,
покуда жидкая луна
стекает с черепичной крыши.

«Что это за скверный город!
только где-нибудь поставь
какой-нибудь памятник или
просто забор – черт их знает
откудова и нанесут всякой
дряни!»

Н.В.Гоголь
«Ревизор»

Вадим Рабинович

доктор философских наук
ДООС – доосозавр

Гоголь. К метафизике повседневности

К размерам и тонам строги,
Поэты шьют тебе стихи,
А в самом лучшем ателье
Слагают платья о тебе.

Виктор Щекачёв

«Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?...» Вспоминаете? Это знаменитая гоголевская «Шинель». А сочинил её портной Петрович в соавторстве с Акакием Акакиевичем Башмачкиным. Сперва только в замысле – как идею шинели, дерзко и отважно увенчал её, пустив поверху куницу, а по ходу её сложения – этой воистину грандиозной поэмы – заменив её более дешёвой кошкой, зато самой лучшей из всех кошек, неотличимой от настоящей куницы. Вот из какого сора произрастала эта поэма! Как бы между тем...

Шьют стихи, а платья слагают...

Спустя сто пятьдесят лет великий аниматор Юрий Борисович Норштейн, с которым я познакомился в 1989 году на интервью для первого номера придуманного мною журнала «Человек», как раз в это время рисовал теперь уже свою (в рифму с гоголевской) шинель. Он показал мне рисунок, на котором Акакий Акакиевич, копя деньги на свою обновку-поэму, экономя на всём – даже на своём утреннем чае, – колет щипчиками кусковой сахар, а сахаринки падают на стол, а он, слюнявя указательный палец, собирает их, чтобы не пропало... И этот жест рачительного Акакия Акакиевича – не гоголевский вовсе, а чисто норштейновский, как память его и моя о военном детстве (мы с ним ровесники). И всё это в рифму с «Шинелью» Гоголя, продолженной в последнее десятилетие XX века. Щемяще и трогательно.

Слагают платья, а шьют стихи...

Физика быта (хаос) преобразуется в метафизику бытия (космос). Сор сахаринок выстраивается в стихи и паузы

«Что реальней Акакия Акакиевича? Между тем: он живет внутри собственной, ему присущей вселенной: не солнечной, а... «шинельной»; «шинель» ему — мировая душа, обнимающая и греющая; ее называет он «подругою жизни»; на середине Невского себя переживает он идущим посередине им на листе бумаги выводимой строки; это — персонаж Гофмана; существо сознания его «фантастично».

Андрей Белый
«Мастерство Гоголя»

из прозы жизни в праздник вдохновенной восхищенности, обернувшейся похищенностью этого шедевра у бедного Поэта переписчика.

*

И снова Гоголь. Второй цикл его великой прозы – «Миргород», увидевший свет в 1835 году. А в нём, этом цикле, – «Старосветские помещики». Про то, как жили и чем жили

Юрий Норштейн. Эскиз к «Шинели»

«старички прошедшего века», так называемые «существователи», втянутые в «тину мелочей», когда ни одно их желание «не перелетает через забор, окружающий небольшой дворик». А это и есть «вседневность», которая под пером великого поэта, хотя и пишущего свою дивную – гоголевскую! – прозу, перестаёт быть «низкой». «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина», – так пишет Гоголь (не о себе – о Пушкине). А вот Пушкин о Гоголе и, в частности, о «Старосветских помещиках»: «... шутивая трогательная идиллия, которая заставляет Вас смеяться сквозь слёзы грусти и умиления». Но почему шутивая? Оставим сие без ответа. Обратим внимание на «вседневном» как «совершенной истине». Здесь важна не только взглядывающая точность в деталях, но и подлинность чувства жизни Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича – наших бесконечно милых «существователей», существующих сквозь наши «слёзы грусти и умиления» от тайной нашей зависти к ним; не умеющих столь долго однолюбовствовать. А ведь мирок-то с точки зрения общественных революционно-демократических идеалов русских шестидесятников позапрошлого века маленький и пустой. Зато щемяще трогательный. Частно человеческий...

В.Г.Белинский никак не может взять в толк это кажущееся противоречие: пустая и ничемная жизнь, но ... Жизнь! «И как сильна и глубока поэзия г. Гоголя в своей наружной простоте и мелкости!.. Две пародии на человечество в продолжение нескольких десятков лет пьют и едят, едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарование? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, а между тем принимаете такое участие в персонажах повести, смеётесь над ними, но без злобы, а потом рыдаете с Филимоном о его Бавкиде, сострадаете его глубокой, неземной горести...» Где здесь «мелкость», «пошлость» и – тем более – «гадость»? «Всесильный бог деталей» (Пастернак). Но деталь (точная) не может быть пошлой. Она – прекрасна, и потому причастна к метафизически неземному: горю, несчастью, сочувствию... Были два любящих сердца, а

теперь их нет и никогда не будет. А они с этого момента ваши знакомцы, и притом навсегда. И действительно: они только и делают, что едят и пьют, пьют и едят. Но зато как едят и как пьют! Она для него, а он для неё, и вместе преображаются, когда приходят гости. А не просто едят и пьют, пьют и едят. Вдохновенно! Живут... Любят... Живут... « – А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?

– Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков солёных?

– Пожалуй, хоть и рыжиков или пирожков, – отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками».

И так целый день, и даже вечер, а иногда и ночь. Поэзия чревоугодия... Подробного и внимательного...

« – Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

– Чего же бы такого? – говорила Пульхерия Ивановна, – Разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

– И то добре, – отвечал Афанасий Иванович.

– Или, может быть, вы съели бы киселику?

– И то хорошо, – отвечал Афанасий Иванович.

После чего всё это немедленно было приносимо и, как водится, съедаемо».

Как бы само собою. Между тем... Но – с любовью, вошедшей в привычку. Чем не жизнь! Притом, со смыслом, но не осознаваемым, что это и есть смысл.

Такова была эта стилистика. Стилистика гоголевского письма – иронически задушевного. Но с этою стилистикою – стиль самой жизни людей старого света. «Существователей»...

Сергей Ив

Недавно посмотрел спектакль
Любимова "Арабески".
Вот, что у меня получилось:

Арабески

Нос шагает по Монмартру.
Чичиков читает мантру
экзистенциально Сартру.

Революция! Фурор!

Ревизор из каганата.
Близ Диканьки бродит НАТО.
И доНОсится СОНата

сквозь коричневый террор.

Над землёй кровят «авроры».
«Тройки» лАДят приговоры.
Телеячики Пандоры

приоткрыл лукавый змий.

Набежали вурдалаки,
Понастроили гулаги.
Где зимуют зеки, раки

показал усатый Вий.

В Замке-лабиринте Главка
заседает красный Кафка.
Незаконченная главка –

синим пламенем в печи.

Гоголь зажигает «души»,
а Ноздрёв икает в «суши».
И одну шестую суши

освещает свет Свечи.

Автор «Старосветских помещиков» в гостях у Афанасия Ивановича.

Рисунок Пав. П. Соколова
в рукописном экземпляре повести, 1853 г.
Исторический музей, Москва

Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

«Плевать мне на Мальтуса»

1.

Да кто такой Мальтус, чтобы на него время тратить? Спросит даже любой китаец, у которого в конституции написано: «Одна семья – один ребенок». Но давно известно, что любой народ всегда умнее и хитрее власти. Ведь власть – это очень маленькая часть народа. И часто не лучшая. Поэтому рядовой китаец меняет жен, семью, место жительства, фамилию, так как порой не в силах победить великую силу основного инстинкта. Размножается вопреки ученым советам Мальтуса. Власть тоже не спит. Недавно она приняла поправку к закону. В сельской местности, если первой в семье родилась девочка, разрешает сделать вторую попытку. Но китайской демографии это мало помогает – природа берет свое. Пророчество английского ученого сбывается.

Томас Роберт Мальтус, «английский реакционный ученый и священник», жил триста лет назад. Еще задолго до китайской и советской революций он в своих трудах пытался доказать, что обнищание человечества больше зависит не от капиталистической эксплуатации, а от неконтролируемого роста населения планеты. И это, по его мнению, неизбежный закон природы. То есть он давно предвосхитил шутки наших юмористов. Всего на всех все равно не хватает. Нас меньше должно быть. И главная его экономическая мысль: одна семья – один ребенок. Ну, реакционер, одним словом...

Впервые с Мальтусом я «познакомился» в центре Москвы на Пушкинской площади. Прямо у дверей родной редакции. Я убежал на съемку, и в мой объектив въехал молодой папаша в шляпе и в очках, с двумя детьми. Явный нарушитель суждений Мальтуса.

Когда я положил этот снимок на стол редактора, сотрудники собрались и стали придумывать смешную подпись. Но самый умный, это был редактор отдела юмора, сказал, что не царское это дело подписи придумывать, пусть это делают читатели. Так родилась новая рубрика «Придумайте подпись, или чтобы это значило?» И пошло, поехало...

2.

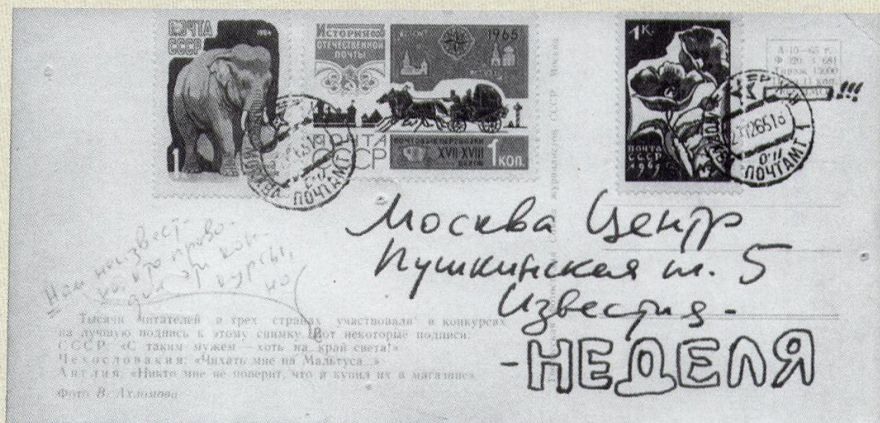
Не прошло и недели, как к нашему конкурсу подключилась английская «Sunday Times». Она перепечатала снимок с обращением к английским читателям – давайте состязаться с русскими в остроумии. Чуть позже к конкурсу присоединились еще несколько европейских газет. Это были шестидесятые, время оттепели, и журналисты были первыми, кто протянул нам руку дружбы под медленно поднимающимся проржавевшим железным занавесом.

«Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила...»

Н.В.Гоголь
«Мертвые души»

Фото Виктора Ахломова

Читатели работали лихо. Через полгода мы решили подвести первые итоги и думали разыскать главного героя снимка, чтобы прояснить ситуацию. Мы наивно полагали, что этот интеллигент со старомодной коляской – арбатский мещанин и живет где-то рядом. Стали его искать всеми возможными способами. Но нам не помогли не пожарные, не милиция. А помог Его Величество случай.

В те доцифровые социалистические времена издательство «Планета» большим тиражом выпустила открытку с несколькими конкурсными подписями. У итальянцев победила подпись «Пока Петруччио делает опыты». Это намек на итальянского ученого, который хотел вырастить homo sapiens в пробирке. Шопинговые англичане придумали –

«Никто не поверит, что я купил их в магазине». Математическая немецкая точность в расчетах явила конкурсу одну из самых смешных подписей: «Брал бы по три, управился бы за два раза».

Кто-то из советских женщин помечтал: «С таким мужем хоть на край света». У чехов победила подпись «Плывать мне на Мальтуса!» И вот такая открытка дошла до газетных киосков Дальнего Востока. То есть до края Отечества. Там в городе Амурске ее купила работница геологоразведки и узнала в герое своего начальника. И радостно сообщила нам об этом в Москву. Так она выдала секретное ПМЖ Бориса Залыцкого.

Вот краткое «дело» моего героя. Предчувствия нас не обманули. Он действительно оказался арбатским мещанином. Закончив в Москве горный институт, уехал работать на Дальний Восток. Там встретил девушку Тамару. Влюбился. Женился. Стал отцом двоих детей и по совместительству начальником геологоразведки. Каждый год семья приезжала в Москву в гости к родителям. Вместе с детьми, конечно. В один из таких приездов папаша удачно въехал в мой объектив.

3. Когда закончился конкурс на лучшую подпись, наш дальневосточный корреспондент пришел в дом героя снимка, чтобы он выбрал одну из них. Самую самую.

Глава семьи сказал: пусть жена выбирает... Тамара выбрала «С таким мужем хоть на край света» Подпись оказалась из СССР.

Но на этом история с Мальтусом не закончилась.

Снимок продолжали тиражировать. А однажды я получил за него «Гран-при» на выставке юмора в болгарском городе Габрово. Приехав туда за получением приза, я спросил у директора Дома Юмора, почему выбрали именно этот снимок. Он уже изрядно надоел, и мне как автору казалось, что в моей коллекции есть работы посильнее. Директор объяснил решение жюри: «Вы, фотографы, все аполитичные люди. Не понимаете, что в Болгарии демографические трудности. Даже существуют поправки к закону, запрещающие женщинам прерывать беременность и выходить замуж за иностранцев без специального разрешения Политбюро». Я подумал: ну и шуточки в габровском Доме Юмора. Но, когда я вернулся в Москву, ко мне обратилась жена моего болгарского друга с просьбой помочь ей с надежной женской консультацией. Где умеют хранить врачебную тайну. Можно после этого процитировать классиков.

«Нас всех подстерегает случай...» (А.Блок)

«И чем случайней — тем вернее!» (Б.Пастернак)

Но главная габровская мысль — мир уцелел, потому что смеялся! И, конечно, почти марксистская фраза — «Дело Мальтуса живет и побеждает!»

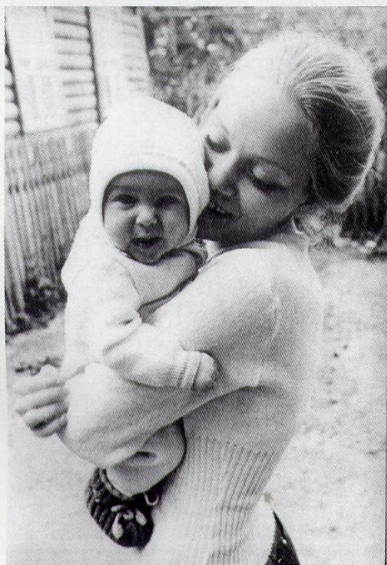

Фото-диптих Виктора Ахломова

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

люди

мужчины
как женщины

женщины
как мужчины

старики
как дети

дети
как старики

люди
как люди

25.04.2011
Павелецкая

10 МАЯ

интернет
спам
sms
поэты тащат в стихи новую лексику

душа
человек
чувства
поэты отказываются от старых слов

я не отказываюсь

...когда все продают доллары
я их покупаю

10.05.2011, Павелецкая

Вот мир. Вот жизни виражи.
Вот жизни миражи. Вот гром
невиданный. Он рушит Дом...
Вот мы над пропастью. Во р (л) жи.
Вот он, кто в гору не пошел,
а превратился сам в гору,
в дальнейшем полностью разру-
шенную, как престол.
Вот ты, рыдающий хохмач.
Вот ты. И вот твой смех сквозь плач.
А вот и я, я дуралей.
Я верю: будет все о' кей!

1990, Вешняки

Игра в классики

А.С.Пушкин

Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! ... Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия!.. Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился...

А.П.Чехов

Как непосредственен, как силен Гоголь и какой художник!.. Это величайший русский писатель! ... Одна «Коляска» его стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг и больше ничего.

Л.Н.Толстой

Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и небольшой, несмелый, робкий ум.

Кира Сапгир
оса ДООСа
Париж, Франция

Триединый бес сочинительства

Поосторожней с Вымыслом, господа сочинители! Иначе он выпрыгнет к вам да и задаст трепку – станет трепать, как собака тряпку!

Итак, жил-был советский профессор. Считался он маститым эрудитом, знатоком литературы. И сидел внутри профессора и мэтра мелкотравчатый черт, Абрам Терц, гримасничающий двойник, обезьяна, шут, которого профессор выманил сочинительством из вымысла. И пошел Черт-Терц колобродить – выдумывать реальность. И подменил профессора собой: поместил вымысел в реальность – но никто не заметил подлога-подвоха. И реальность пошла за подлянку-подмену мстить. Черт, вселившийся в профессора, принялся сочинять рассказы. Вытаращилось на сочинителя Недреманное Око – впрочем, не будем повторять азы о навязших в зубах событиях 60-х. У нас ведь впереди еще немало разных разговоров.

Профессора торжественно изгнали на Чужбину блистать на кафедре Сорбонны, наградив почетным клеймом «отщепенца». И, кажется, что?! Жизнь-то удалась! А только Черт-Терц все пытался сместить профессора. Черт надевал на маску лицо – сочинял истории сомнительного свойства. А читатель, ознакомляясь с сюжетом, прозревал в нем не литературный факт, а биографически непреложный. Читателю казалось, что профессор на самом деле гулял с Пушкиным запанибрата. Возможно, сам профессор тужился в попытке предъявить под солнцем Пушкина подергивание своей полупрозрачной тени. Внушить, что и его, Терца, книги меняют действительность...

Конечно, приводить сей мелкотравчатый казус даже как-то неудобно; он – не лучший компонент нулевого измерения. Но вообще история взаимоотношений сочинителя со своим детищем чрезвычайно сложна. И чем гениальней вымысел, тем эти отношения сложнее.

Черт мучил Гоголя, внушая ему ужас перед собственным творчеством, страшным, глубоко таинственным, зовущим в Ничто. В «Ревизоре» и «Мертвых душах» видится религия мэона – небытия или псевдобытия.

Гоголь творил своего черта из самого себя. Тот стучался из его нутра, содрогавшегося перед неизбежностью родов – и, как у русалки, чернела в душе писателя точка, зрачок, изучающий мутный, старый мир... «Черное пятно, – пишет Дмитрий Мережковский, – страшная черная точка есть в первоизданной языческой стихии гоголевской веселости, его смеха. Это – точка соприкосновения двух начал, двух половин, двух полюсов мира, рождающая беспредельный мистический ужас...»

И сам Гоголь говорит об этом, правда, от лица легкомысленного персонажа повести «Портрет»: «Ну, брат, состряпал же ты черта!»

Из черной гоголевской точки черт выпрыгнул в зеркало соловушеского символа. «Люди любят, чтоб их любили», – пишет Федор Сологуб в предисловии к роману «Мелкий бес», – «потому что им не верится, когда перед ними стоит изображение верное, точное, мрачное, злое. Хочется сказать, это он о себе. Нет, мои милые современники, это о вас писал я мой роман о Мелком Бесе и жуткой его Недотыкомке. Мой роман – зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работал над ним усердно...»

А у героев Достоевского есть странное свойство: некая их часть начинает жить своей жизнью. Чёрт в «Братьях Карамазовых» томится своей призрачной сущностью. Иван Карамазов убеждает чёрта, что того нет. Смердяков

сам уверяет, что он лишь исполнитель воли Ивана.

Карамазовский чёрт мечтает воплотиться в купчиху. И Свидригайлов хочет «... ну помещиком быть, ну отцом, ну уланом, фотографом, журналистом...» Свидригайлов – призрак. Он двойник Раскольникова. Того, которого на убийство «чёрт тащил».

Позиция русских писателей основана на эстетическом обмане. Он порождает реальность «Мелкого беса», всю насыщенную призраками, видениями, суеверием, оборотнями, пошлостью.

Пошлость – вернейшее средство управления миром. Для этого надо всего-навсего признать за писателем право плохо писать. Так возникают иные культовые герои и книги – холодный антипод постмодернизма.

Если веры нет, то всё дозволено. Карамазовский черт весьма остроумен, но от этого не менее пошл.

«Милые русские юноши!» – проповедует Д. Мережковский. «Вы благородны, честны, искренни. Отчего же лица ваши так печальны, взоры потуплены долу? Развеселитесь, усмехнитесь, поднимите ваши головы, посмотрите чорту прямо в глаза. Не бойтесь глупаго старого чорта политической реакции, который все еще мерещится вам то в языческой эстетике, то в христианской мистике. Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь – рабства и худшаго из всех рабств – мещанства и худшаго из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чорт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный чорт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам (!!!)»

Под оболочкой скользких явлений в пространстве вымысла заключен Черт-Недотыкомка-Терц – измельченная ипостась карамазовского черта. Это из-за нее так демонски-радостно одержим страшной ложью Хлестаков. Недотыкомка, не имеющая рода, тщится утешить в Передовом человеке вообще. И пусть далеко обманувшему себя профессору Сорбонны до тех, других, сваливших черта – ладно, черт с ним.

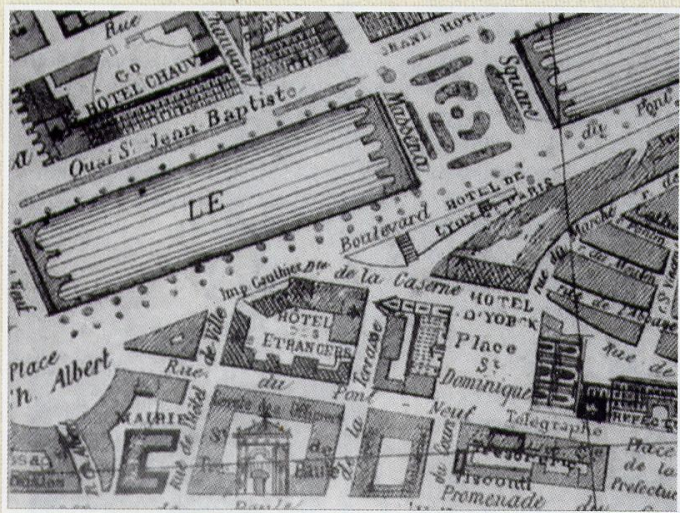

Гоголь. Акварель П.Каратыгина

людей **ПО**смотреть,
себя **ПО**казать

Тамара Приходько

В Муниципальном архиве и в галерее Поншет мне удалось посмотреть карты Ниццы 1856 и 1879 гг. с обозначением улиц Парадис (Paradis), улицы Франции (Route de France) и отеля «Этранжер» (Etrangers). Именно сюда Гоголь в дилижансе прибыл в Ниццу в декабре 1841г.

Вот карта, на которой обозначен отель Этранжер вблизи площади Альберта I и улиц старого города, с сохранившимися до сегодняшнего дня названиями.

Именно в этом районе Ниццы снимала виллу Смирнова-Россет, и, скорее всего, по ее приглашению Гоголь и прибыл на Лазурный берег. В это время в Ницце жили и Виельгорские. С этой приближенной к императорской фамилии семье Гоголь познакомился еще в Петербурге. Позже в Риме судьба свела Николая Васильевича с младшим сыном Михаила Юрьевича и Луизы Карловны – Иосифом, товарищем по воспитанию наследника престола, будущего Александра II. Иосиф в 1839 году в Риме был уже неизлечимо болен. Гоголь не покидал юношу в самые

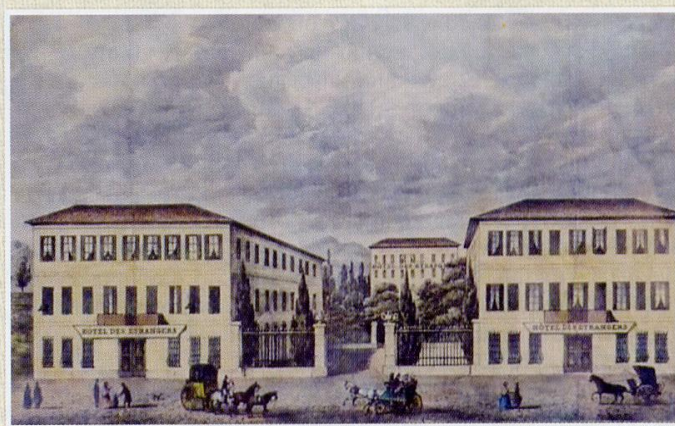
«Из мальпоста, поддерживавшего ежедневные сношения между Туринном, Генуей и Францией и остановившегося 2 декабря 1843 г. в Ницце у Hotel des Etrangers, вышел, зябко укрываясь широким итальянским плащом, путешественник в белой поярковой шляпе с широкими краями. «Низенький, сухощавый, с весьма длинным, заостренным носом и прядями белокурых волос, падавшими на маленькие, прищуренные глазки», господин этот дал распоряжения насчет своих вещей, указав адрес в районе Croix de Marbre, и назвав звучное иностранное имя».

А.Шик
«Гоголь в Ницце».

тяжелые дни и стал свидетелем его кончины. Хотя отчасти залечить душевные раны должно было пребывание Луизы Карловны в Ницце с дочерьми Софьей, Апполинарией, Анной и сыном Михаилом. Лазурный берег сразу оживил жизненные силы Гоголя.

Очень скоро с Route de France, на которой жила Смирнова-Россет, Гоголь перебрался на rue Paradis, в дом Виельгорских. Улицы эти были совсем рядом, и Гоголь общался со всеми своими знакомыми. Вместе они гуляли по набережной, отмечали масленицу, собирались на литературные чтения.

В современной Ницце не сохранилось здание отеля Этранжер. Но все-таки удалось найти изображение отеля на гравюре 1840 г. в музее Массена.

Впрочем, мраморный крест, сооруженный в 1568 году в знак примирения враждующих князей, сегодня такой же, как в давние времена и в то время, когда около него прогуливались Н.В.Гоголь, Смирнова-Россет и семейство Виельгорских.

Сотрудник Муниципального архива Жозеф Сильвен показал мне регистрационную книгу XIX века, по которой удалось установить, что г-ну Маскету, в одном из домов которого, по воспоминаниям самой Смирновой-Россет, она жила, – этому домовладельцу принадлежали строения на Route de France под номерами 1, 3, 5, 7, 9. Трудно сказать, сохранилась ли нумерация на современной Rue de France, самой оживленной туристской улице Ниццы, но среди домов

«Ница – рай, солнце как масло ложится на всем, мотыльки, мухи в огромном количестве, и воздух летний. Спокойствие совершенное... Ветров и не дует других, кроме южного, другим некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою. ... А уж чем подарит его солнце – так этого и рассказать нельзя!

За два часа до захождения оно начинает творить чудеса, превращая горы то в те, то в другие цвета. Но изумительнее всего делает оно штуки с ближними горами, то есть зелеными. Эти зеленые горы делаются пунцовыми. До сих пор не было ни одного дурного дня...»

Н.В.Гоголь,
из письма В. А. Жуковскому

6 maison Vve Astraud.
Caccia, major en retraite.
Brizio, professeur au Collège National.
Rue du Four-Obseur
De la rue de la Boucherie à la rue Place-aux-Herbes.
1,3 maisons Roux et Faraut Adèle.
2,4 propr. Fideu et Vve Beri.
6 id. Martin Saytour.
Rue de France
De la rue Masséna au Pont de Magnan.
1,3,5,7,9 propr. Masclet.
11,13,15 propr. Serrat et Donaudi.
17,19 id. Fossat et Caravel.
21,23,25 id. Gilli.
27,29,31 id. Manatti.
33,35,37 id. Maurel.
39,41,43 id. Pollan.
45,47 id. Bonfort.

есть постройки с такими же номерами. Однако какой номер дома снимала у Масклета Смирнова-Россет, выяснить не удалось. И о доме, в который Гоголь перебрался на rue Paradis, в документах Муниципального архива никаких сведений нет. На этой улице здания более поздней постройки – конца XIX начала XX в. Так что можно только гадать, из какого окна наблюдал Гоголь шествующих к променаду и морю ницаров. В открытом после реставрации музее Массена мне посчастливилось увидеть репродукции с картин, фотографии, акварели, запечатлевшие Ниццу того периода, когда здесь был Гоголь. Центральная площадь Ниццы носит имя наполеоновского генерала Массена. Так она выглядела в 1854 году.

«...вот вам известие о некоем деле, которое для вас, конечно, не будет неприятно. Я был должен великому князю наследнику 4000 рублей. При отъезде его из Дармштата я сделал ему предложение: "Не благоугодно ли будет вашему высочеству, чтоб я заплатил эти деньги не вам, а известному вам русскому, весьма затейливому писателю Гоголю; так, чтобы я ему сии деньги платил в год по тысяче рублей, начав с будущего генваря (понеже вдруг сего сделать не могу вследствие чахоточного состояния мощны моей)?" И его высочество на сей вопрос мой изрек и словесное и письменное быть по сему. Таким образом, я состою вам должен четыре тысячи рублей, с коими и пребываю»

ваш богомолец **Жуковский**
Из письма Н.В.Гоголю

Гоголь в Риме

Рисунки В.А.Жуковского

«Но Рим, наш чудесный Рим, рай, в котором, я думаю, и ты живешь мысленно в лучшие минуты твоих мыслей, этот Рим увлек и околдовал меня. Не могу да и только из него вырваться. <...> Всё, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною, пребывает вечен».

Н.В.Гоголь,
из писем к А.С.Данилевскому

Валерия Нарбикова
ДООС

Фотографии Александра Лысенко. Вена

...и путешествие

Роман. Начало в № 23-27

В магазине Киса столкнулась с господином Ив, можно сказать, тележка к тележке. «Это вещи на мой день, когда будет праздник». Рядом с господином Ив появились два человека и, как две скрипки, стали обхаживать его, как бы показывая, что тележка будет двигаться сама без него прямо к нему домой. И так все и случилось – Киса и господин Ив оставили свои тележки двум скрипкам и вышли из магазина. «Началось», – подумала она. В машине господина Ив ждал шофер.

А вот и дом господина Ив. А на лестнице он ее поцеловал. И ему этого хотелось, и ей. Как будет по-немецки «взасос». «Уйди ко мне навстречу от меня назад». Он ей так облизывал рот, что как будто кончил в него языком. Как будто у него в языке была такая дырочка, из которой писают. И он писал ей в рот слюной. Такого мокрого, сладкого поцелуя она еще не знала. И когда она рукой вытерла свой рот, он также мокро поцеловал ее руку, и ее же рукой опять облизывал ее рот. Чтобы он был бесконечно мокрым. Ему хотелось своим влажным, нет, текущим от желания взглядом, видеть ее все время мокрый рот, который становился еще крупнее от поцелуя, как будто увеличивался под слюной. От слюны он становился клейким и сладким, рот, от него не возможно было оторваться, и господин Ив опять поцеловал, он просто приклеился к нему.

По лестнице двигались люди, похоже, что действительно готовились к какому-то празднику. Вот они направляются на поиски нового жилища, чтобы основать новое царство. Все общество группируется вокруг царицы. Осматривают ближайшие окрестности, знакомятся с местностью. Прежде всего они приступают к постройке.

Покидая свою метрополию, они уже знали, что первое время не придется есть досыта, и поэтому все наелись из имевшихся запасов. И теперь они занимаются строительством. Выделяют на своем теле такую жидкость, которая помогает в работе. При этом они удивительно дружно помогают друг другу в работе, придерживаются друг друга, даже влезают друг на друга. И каждый из них заключает в себе и поставщика материала, и архитектора, и работника. Постройка начинается с возведения низкой зигзагообразной стенки, к которой прилаживается другая пластинка в горизонтальном направлении, образующая дно. Каждый старается точным образом запомнить место, поэтому каждый, причем, всегда выйдя задом, прежде всего, садится на дощечку и внимательно озирается по сторонам. Затем следует вторая и третья проба, и только когда каждый совершенно запомнит местность – то быстро скрывается вдаль.

Отсутствие может продолжаться два часа.

И если поблизости сахарный завод, то часто он на погибель: насосавшись досыта, можно и вернуться; но выбившись из сил, они падают, в конце концов, мертвыми.

Вот появилась она, нагруженная добычей. Прежде всего она садится и отдыхает после трудного пути, затем осторожно лезет внутрь и начинает освобождаться от принесенной добычи. В этом ей помогают другие работницы. Они облизывают ее своими язычками, выбирая чистые капли. А то, что осталось в виде пыли, они цементируют жировыми выделениями, что можно скатать в небольшие комки. Собрать и сложить в особые корзиночки. Это будет строительный материал, им можно замазать всякую щелочку. Или скрыть те предметы, которые они не могут удалить даже совместными усилиями, а между тем это необходимо. Эти предметы могут состоять из мяса, костей и гниения, и таким образом их нужно замуровать, чтобы они не отравили воздух.

Пока стоит лето, все работают. Царица выходит и оказывается оплодотворенной уже на всю жизнь. Хотя партнеры вокруг нее могут виться. Они не нужны. Потом она в сопровождении нескольких приближенных работниц ходит и осматривает, точно желая удостовериться, что все в порядке.

Ее поддерживают ее спутницы, которые не перестают оказывать различные знаки внимания: нежно гладят ее или лижут. Она обходит все свои владения. А потом освободившуюся вычищают, приводят в порядок, и приготавливают к новому принятию. А «молодая» при этом потягивается, встряхивается. Окружающие толпятся вокруг нее, радостно приветствуют новорожденную, облизывают ее, кормят. Однако недолго продолжаются эти заботы, так как через несколько часов «молодая» уже окрепла. И по примеру других принимается за работу. Однако в большинстве случаев первые две недели «молодые» остаются исполнять домашние работы, так как они не настолько еще опытные, чтобы разыскать дорогу и не сбиться на обратном пути.

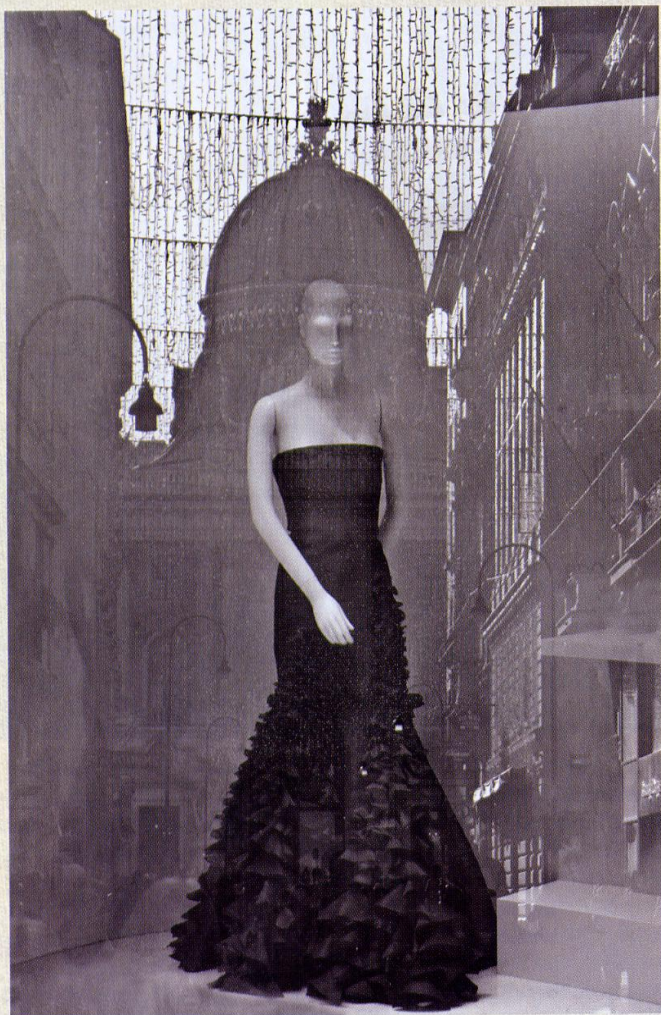
Таким образом проходит день за днем. Количество населения быстро возрастает. Весьма замечательно происхождение рабочих и царицы. Все зависит от условий питания. Все остальные могут быть недоразвитыми. Тогда как царица всегда вполне развившаяся, нормально сформированная самка. После лета наступает осень.

Холодная погода заставляет всех сидеть и бездействовать

Но беды особой не предвидится, так как есть много запасов, и в том числе ими пользуется человек, грабящий без церемоний.

Интересно, что существуют и преступники. У них значительно развито воровство. И если хоть кто-нибудь взявший из общих запасов что-нибудь, сможет исчезнуть, то немедленно появляются и другие любители чужой собственности. Незаметным образом стараются они пробраться в толпе других и расхищают чужое добро. Для противодействия этому злу выработалась собственная система:

ставят сторожей, которые внимательно приглядываются и принимают к каждому, для того чтобы убедиться, что это свой, а в случае, если откроется обман, то все вместе целой толпой бросаются на пришельца, закусывают его или просто прогоняют. Однако иногда и хищения доходят до грандиозных размеров. Особенно часто случается это, когда происходят какие-то беспорядки: например, поселяются две царицы, враждующие между собой, и тогда разделяются на партии. И тогда целыми массами беззащитные грабители врываются, похищают все запасы и безнаказанно исчезают.

Проснувшись среди ночи, Киса вдруг поняла, что она осталась ночевать у господина Ив. Что сейчас она лежит в отдельной комнате, и рядом господина Ив нет. Для гроба она была большой, эта комнатка, но для комнатки она была маленькая, как гроб. Гробик. Нет, для гробика она была велика. Гробница, усыпальница. Да, она здесь спала, Киса, в этой комнате-усыпальнице. Там был потолок, крышка, заклеенная пластырем, почему-то составляющим крест, под пластырем проглядывали подтеки. И тут она вспомнила свой сон. Сон был вот про что. Сначала она стояла на асфальте, а потом приподнялась на такой бетонный бордюрчик. И перед ней стоял человек, с которым она беседовала о литературе. И потом оказалось, что бордюрчик каким-то образом приподнимается, а она продолжала беседовать, и сначала она подумала: «низко, успею прыгнуть», — и опять продолжала беседовать, и она поднималась все выше и выше, и в какой-то миг ей показалось, что внизу вода, серая, как асфальт, и она подумала: «успею нырнуть», — и она продолжала беседовать, а потом она уже поняла, что стоит на огромной высоте, и внизу метров сто, и там ходят автомобили, там такой автобан, и она не может спуститься вниз, и эта точка — это и есть смерть, а человек, который все беседует с ней, он говорит очень громко, но из-за шума автомобилей голос его еле слышен, и у нее уже болит

спина от напряжения. И она прижимается к столбу, чтобы не упасть и не разбиться. Это трудно, и тут заболели еще и ноги. И лететь вниз головой тоже не хотелось прямо под автомобилями. И смерть заключалась собственно в прыжке. Сон был — про смерть. А сон про смерть — был про прыжок. А прыжок — про жизнь, про желание проснуться. И она проснулась. И она проснулась от сна, от смерти, от прыжка. И она подумала: интересно, как это я заснула? с чего бы это? Она помнила, как на лестнице господин Ив ее поцеловал. А потом она уже ничего не помнила. «Напилась я что ли?» Но она не помнила, чтобы она что-нибудь пила. Еще она хотела знать, было ли у нее с господином Ив или нет. Это был ряд интересных вопросов, на которые у нее не было ответа. И, в конце концов, где он сам, этот господин?

Киса вышла из комнатки-усыпальницы. Полный мрак. Она обо что-то больно ударилась. И тут все озарилось светом. И господин Ив увидел, как она, поскуливая, подпрыгивает на одной ноге. Это был мерзкий чемодан, на который она наткнулась в темноте. Хорошо, что он был без гвоздей, без колючек, хорошо, что его углы были не из острого стекла. Все хорошо, только очень больно. Он так легко взял ее на руки, как будто она была легче его раз в сто. Он просто раз — и перенес ее на какую-то гигантскую кровать, заваленную барахлом. Плащи, свитера, брюки, пиджак в шляпе, галстук в носке. Он кинул ее, и она провалилась в эту бездну брюк и рубашек. Она все еще была в своих собственных брюках, а господин Ив в своих собственных. Значит, и спала она в брюках, значит, ничего еще не было. И то, что ничего еще не было, — было восторгом. Теперь ко всей этой куче барахла добавились еще и ее тряпочки. Раздеваясь одновременно, они оба оказались голыми одновременно. И когда она увидела его голым, хотя и сама она была голой, он ей показался более голым. Как будто все это валявшееся на кровати барахло он снял с себя сейчас. Как будто на нем одновременно были надеты все эти брюки, все пиджаки, все галстуки, все шляпы, все до одной. И он сейчас был голым, как десять голых.

Не надо во время этого дела смотреть в глаза. И когда она не смотрела ему в глаза, это было мучительно сладкое наслаждение на вершине одежды, в объятиях всех в мире пиджаков, одновременно со всеми штанами, она окуналась лицом во все рубашки, во все сразу, в чьи рукава только текла сперма, из всех трусов торчали галстуки, которые она обсасывала все сразу. Но когда он свое лицо так близко склонял к ее лицу и замирал в ней, и она смотрела ему в глаза, она видела, что это он один, собственно, за всех сразу.

Но он не первый, не последний, и не единственный, он один из этого легиона, и от этого было грустно, и это портило это дело. Но он нарочно не отводил своих глаз от ее глаз, потому что когда она отворачивала свое лицо, он насильно поворачивал его к себе. И вдруг он напрягся так, что стал почти из одних мускул, и он глухо вскрикнул и выдернул. Она так и думала, что спермы будет по горло. Но оказалось, что ее было с головой, даже на лице, даже почему-то в ушах. Ее можно было размазать по всем этим плащам и штанам, хватило бы всем галстукам и шляпам, всем бы хватило. Но ему самому было мало.

В такое раннее утро можно только проститься. Что еще можно делать в четыре часа утра. И спускаясь по лестнице вместе с господином Ив, Киса поняла, оглянувшись на господина Ив, что она не очень-то понимает, кто она и кто он. То есть, кто такой вообще человек, определить просто невозможно. Не поддается определению. Зато почти без труда можно поговорить на тему, что он по отношению к ней, что она по отношению к нему. Например, Киса по отношению к Сереже или Киса по отношению к Александру Сергеевичу — это поддается определению. Но когда она находилась вместе с господином Ив, она не могла понять кто он такой, но также теряясь в догадках, она даже не могла понять, кто же такая она сама.

Господин Ив подвез Кису к ее дому, и, выходя из машины, она машинально сказала ему по-русски «до свидания». И он

почему-то безо всякого акцента ответил ей «до свидания».

Она поднялась на свой четвертый этаж и нажала на кнопку звонка. Она даже не представляла, что скажет Александру Сергеевичу. Она просто давила на эту кнопку. Никто не открывал, даже никто не шевелился за дверью. Она открыла дверь ключом и вошла. Никого не было. Они оба отправились на ее поиски и сейчас вернутся. Нет, Александр Сергеевич не простил ей, выпрыгнул из окна, разбился, его увезли в больницу, а Сережа его сопровождает. Нет, он наконец решил ей изменить, и сам пошел по бабам, а Сережа его сопровождает. Нет, Киса разделась, легла в постель и заснула.

И проснулась она от замечательного запаха, кофе. Вкусного, как новая жизнь. Как будто, сварив кофе утром, можно начать новую жизнь. Дверь слегка приоткрылась, и она увидела Александра Сергеевича. «Проснулась?» — сказал он. Если бы только случилось какое-нибудь чудо, чтобы он ничего не узнал, подумала Киса. Он сел на постель и стал рассказывать какую-то удивительную историю о том, как они вместе с Сережей и хозяйкой квартиры привезли эти вещи к ней на дачу, и в десять вечера они бы уже были дома, но что-то случилось с машиной, и они не могли выехать и пришлось на этой даче заночевать. «Но ты мог позвонить», — так естественно сказала Киса. «Я звонил, но никто не подошел. Ты — спала». «Я спала», — сказала Киса. «Да, — сказал Александр Сергеевич, — я только один раз позвонил, чтобы тебя не будить, я знал, что ты спишь». «Ты знал?» — сказала Киса.

И тут он во всем признался. Что перед отъездом он ей подсыпал снотворное, как полный негодяй, как сволочь, чтобы она заснула и никуда не ушла из дома, чтобы ему было спокойно. И так бы все и случилось, если бы она не пошла в магазинчик.

— Ты спала, — еще раз сказал он.

То есть перед ней сидел идиот, который даже ни о чем не догадывался. Который даже не мог предположить, что его жена с кем-то провела ночь. Она посмотрела на него и увидела, как он красив. Ему даже не нужен был шрам на лице для мужественности. Оно и так было мужественным, это лицо. И спокойным.

— Ты спала, — сказал он.

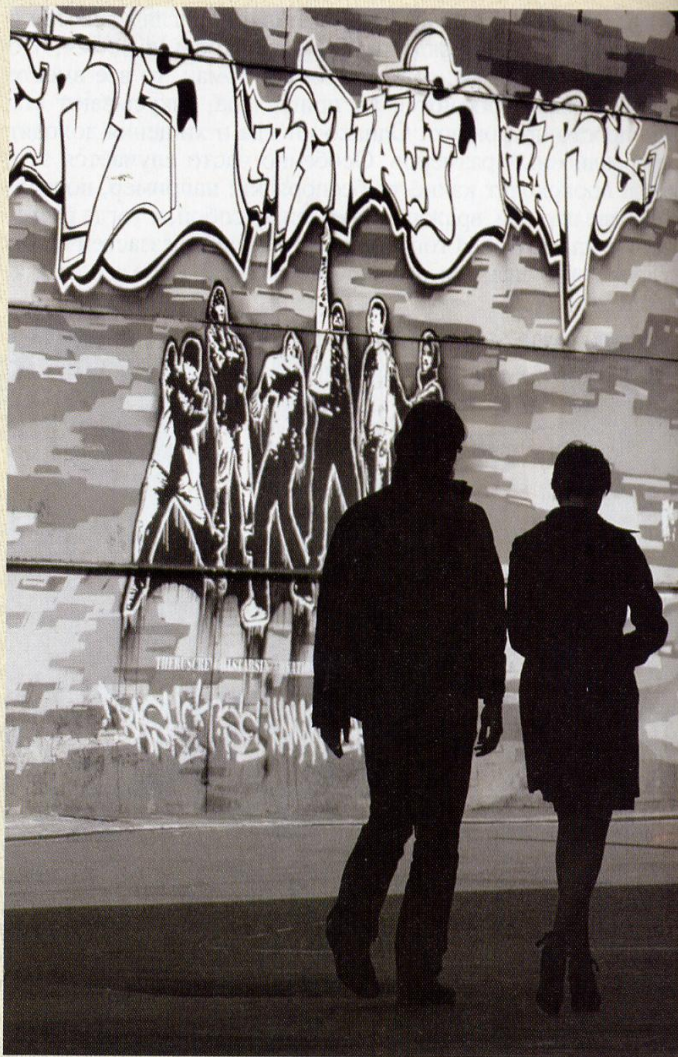
«Идиотка», — подумала она про себя. «А, может, я действительно спала?» — подумала она. «А Сережа с Александром Сергеевичем были в гостях у каких-нибудь девушек». И она рассердилась.

Иногда она удивлялась, что когда у нее не получаются стихи, она из-за этого больше страдает, даже больше, чем от жизни, когда у нее не получается что-то в жизни, потому что жизнь состоит не из слов, а из каких-то действий, так сказать, из поступков, она даже, может быть, более плотная, плотская что ли, но она поправима, а стихи окончательны. И если в них можно что-то поправить, то это уже несовершенные стихи. А жизнь, чем в ней можно больше поправить, тем более она совершенна.

И один писатель, которому можно доверять, сказал, что он прочитал у Ключевского, которому можно доверять, что Екатерина приехала в Россию с двумя узлами старых платьев, она была бедная девочка из немецкой бедняцкой провинции, а стала великой русской царицей. Потому что до того как она растолстела, обабилась, она вставала в шесть часов утра, умывалась льдом, писала стихи, удавила мужа и покровительствовала искусству.

Киса тоже бы хотела вставать в шесть часов утра и умываться льдом. Но она не хотела удавить мужа, хотя она бы хотела покровительствовать искусству.

И еще она, Екатерина, ввозила в Россию евреев для торговли, то есть чтобы они занимались торговлей. И они занимались в России. А потом в Советском Союзе из них получились советские жида. Нет ничего хуже советских жидов, но нет ничего лучше русских евреев. Они даже иногда бывают лучше русских — русские евреи. Но их мало. Так мало их, в общем, Киса знала только двух, нет двух

с половиной. У них есть походка, взгляд, улыбка, но нет улыбочки, ни усиков, ни бороды, ничего этого нет. Нет плещи на голове, нет веснушек. И еще они умеют терпеть. Не как дети, которые терпеть не умеют, которым сию же минуту сразу все сегодня или никогда.

Странно, что есть нации, что нацией можно гордиться, а ведь если посмотреть с луны, то наций нет. Но если посмотреть с луны, то и людей нет. Но если посмотреть с луны, то земля есть. А кто там, на этой земле? Люди. И все эти люди разной национальности, кроме американцев, они просто все до одного американцы.

И этим русским евреям было даже труднее сохраниться, чем русским. Потому что ничего не стоило стать советским жидом. Для этого были все условия, как в теплице. И корм, и кормежка, и кормушка, и блюдечко — все, все было!

И как только так получилось, что эти русские евреи не растолстели, не обабились, не покрылись по всему туловищу плешью, и не стали экономить на спичках. И эти русские евреи писали русские стихи. И стихи они любили больше русских, больше евреев, больше за ритм, чем за рифму, больше за интонацию, чем за смысл. Потому что какой в стихах может быть смысл, «и смысла нет в мольбе». Больше, чем своих детей, больше, чем родину, как будто стихи, сами по себе состоящие из слов, и были родиной, то есть в стихах и можно было жить.

И среди этих русских евреев есть и поэты, но мало мужчин, а среди русских мужиков почти вообще мужчин нет, а среди русских баб — нет дам. Хотя у русского еврея может быть дама сердца. Но для этого она должна быть девочкой, зверюшкой, пастушкой и дамой одновременно, а он для этого должен быть русским евреем и мужчиной одновременно. Редкое сочетание. Почти не встречается. Может быть только в романе.

История вторая. Роман

И Киса опаздывала на свидание к своему любимому уже на двадцать минут. И он мог ее не дожидаться и уйти. И она проклинала своего мужа, который так долго завтракал и не уходил по своим делам, что из-за него она теперь опаздывает к своему любимому. Хотя она иногда обожала своего мужа именно за то, что только он, а больше никто, даже не она сама, мог защитить ее от любимого. А сам любимый не мог защитить от себя, и она пряталась у своего мужа за пазухой, чтобы как можно чаще не встречаться с любимым. Но кто же когда захочет быть мужем? а кто захочет быть любимым? а никто никому не предлагает. Но сейчас, когда она опаздывала, она больше всего боялась, что он ее не дожидется, и она опоздала на полчаса. Что же она увидела! Он стоит не один, а с каким-то господином, и они беседуют. Оказалось, что это его друг. Очень близкий человек. Почти родной. Как брат. И ему было столько же лет, сколько и любимому, а выглядел он старше, но лучше, как-то злее, но умнее, и выше ростом, и вообще во всех отношениях брат, но не по крови, а такой у них был братский союз, что они могли вместе загулять, вместе набить морду одной сволочи. И они не виделись уже полгода и никак не могли наговориться про Таню, на которой этот друг полгода назад женился, из-за чего они и не виделись, а ребенку уже три месяца. «Мне твоя бывшая недавно звонила, — сказал любимый, — сказала, что ты дикарь». И при слове «дикарь» они оба рассмеялись. И Киса засмеялась. И вдруг этот друг ее любимого перестал смеяться. Он смотрел в какую-то точку, где как будто никого не было. И потом они быстро простились. «Представляешь, — сказал Кисе ее любимый, — он ушел от своей жены, они вместе прожили лет десять, не помню, около десяти. Я в нее был когда-то влюблен, очень сильно, и она меня любила, но я ее уступил ему как брату. И теперь он с ней развелся, мне даже показалось, что это я с ней развелся и женился на какой-то Тане, ей, как и тебе, лет двадцать».

И после этой встречи прошел примерно год, и Киса никогда с ним не виделась, с этим другом, а с любимым конечно виделась.

И однажды она встретилась с этим другом на одной выставке. И он был один, и она была одна. И они почему-то ужасно друг другу обрадовались. И потом они сидели в кафе, потом вышли на улицу, и на улице почему-то поцеловались. И потом стали целоваться на улице все сильнее и сильнее, как будто целый год не целовались. А через неделю Киса оставила своего мужа и ушла к нему. Хотя у нее был любимый, и она его любила, и был муж Александр Сергеевич, и она его любила. Но она ушла к нему. Именно об этой истории Александр Сергеевич знал.

— Я из-за тебя становлюсь антисемитом, — сказал Александр Сергеевич Кисе, когда она призналась ему, что уходит от него к другу своего любимого, а про любимого она, конечно, ничего не сказала.

— Кто он? — спросил Александр Сергеевич.

— Поэт.

— Он старый жид.

— Он поэт, — сказала Киса, — и он не старый, он русский еврей, почти египтянин.

При этой ссоре слышались такие слова, как: предательница, стерва, идиот, русофил, русофоб, проститутка, ненавижу. В конце концов, его все-таки увлекла мысль, что с поэтом, к тому же русским, к тому же евреем, она жить не сможет, как не сможет жить и с Модильяни, французским? итальянским? евреем, с Гейне — немецким евреем... Он почти убедил ее, что она может жить только с ним, он даже сказал, что ради нее он истребит всю эту нацию. «Ну истреби», — сказала Киса. «Я тебе не дам развод, потому что тебя нет в природе, ты плод моего воображения, ты почти фантом, почти лунный свет, ты думаешь, что это ты пишешь стихи, на самом деле это я их пишу, только через

твою душу. Потому что эта твоя душа просто лучше фиксирует слово, и потом ты сделана из моего ребра, и если у меня отнять ребро, то я умру».

— Никто еще не умирал без ребра, — сказала Киса.

— Я первый.

А потом он взял и исчез. Его не было в Москве, Александра Сергеевича. А потом Киса встретила со своим любимым. И они любили друг друга. И любимый сказал: «Не надо, не спи с ним, ведь он мне друг, он мне как брат», и Киса пообещала: «Не буду». И после этого Киса рассталась с другом своего любимого.

Но на самом деле, это любимый Кисы думал, что она рассталась с его другом, потому что он был ему как брат. А ее муж думал, что она рассталась с ним, потому что она его ребро. Но на самом деле они расстались из-за стихов. Он писал такие стихи, проще их будет назвать концептуальными что ли, он очень здорово формулировал, и стихи были жесткими и четкими, они были не то что простыми и тупыми, не то чтобы примитивными, они были, несомненно, стихи, но как бы было понятно, как они сделаны. То есть они были сделаны из стихов. Но было понятно и то усилие, и работа, было понятно, как они написаны. И вдруг это стало скучно. И они из-за этого расстались. Потому что, когда он прочитал ей свои последние стихи, она сказала, что любит вино без косточек. Вино без косточек это хорошо, но в его стихотворении, собственно речь шла о свинье, которая стояла как копилка, и рядом с ней стоял мальчик, и у этой свиньи не было в спине дырки, и чтобы опустить в нее пятак, ему оставалось только засунуть этот пятак ей в попу. Вот про это и были стихи. И после этого романа Александр Сергеевич отказался спать с Кисой, он сказал, что ему это противно, он не может ее целовать после этого, что она должна очиститься, уехать в Египет, ей должно быть опять семнадцать лет, и она ему опять с самого начала должна не изменять. И впервые она увидела, как он заплакал. То есть у него в глазах были слезы.

А у этого друга, ее любимого, после того как он прочитал стихи про свинью-копилку, а она про вино без косточек и после этого пошутила: «Знаешь, ничего у нас с тобой не получится», — и он отшутился: «Знаю». И это было ночью, перед этим они пили вино, целовались, И когда он отшутился: «Знаю», — он по-настоящему заплакал.

Вальтер Остеркорн

Линц, Австрия

ПРОИСШЕСТВИЕ В ВЕСЕННЮЮ ПОЛНОЛУННУЮ НОЧЬ

Hexen kreischen von der Höhe

Glocken wehren sich

bimmm bammm bimmm bammm bimmm bammm

bimmm bammm...

ведьмы визжат высоко в небесах

колокола бьют тревогу

биммм баммм биммм баммм биммм баммм

биммм баммм

ведьмы хохочут пляшут визжат

пляшут визжат хохочут

визжат хохочут пляшут

беснуются ведьмы

колокола защищаются звоном

бимм бамм бимм бамм бимм бамм бимм бамм

над всей долиной хлещут кнуты

щёлкают щёлкают щёлкают щёлкают

щёлкают щёлкают щёлкают щёлкают

колокола кричат

отбиваются звоном

колокола отбиваются звоном

кричат

ведьмы хохочут пляшут визжат

пляшут визжат хохочут

визжат хохочут пляшут

беснуются ведьмы

колокола бьют в набат

бим бам бим бам бим бам бим бам

бим бам бим бам бим бам бим бам

корчатся ведьмы в страхе вопят –

колоколов

им смертелен набат

...Die Hexen wehren sich

Glockenmacht

den Todesstoß gebracht

Переозвучил шабаш австрийских ведьм по-русски

Виктор Крыков

ДООС – австрозавр

Колокольный звон

bim bam bem bum

bam bem bum bim

bem bum bim bam

bum bim bam bem

bim bum bam bem

bam bim bem bum

bem bam bum bim

bum bem bim bam

bim bem bam bum

bam bum bem bim

bem bim bum bam

bum bam bim bem

bim bam bem bum

bam bem bum bim

bem bum bim bam

bum bim bam bem

Звучащий колокол

b

im

bam

bem bum

bam bem bum

bim bem bum bim bam

bum bim bam bem bim bum

bam bem bam bim bem bum bem

bam bum bim bum bem bim bam bim

bem bam bum bam bum bem bim bem bim

bum bam bum bam bim bem bim bam bem bum

bam bem bum bim bem bum bim bam bum bim bam bem

b

i

m

«...тетушка уже не тетушка, а колокольная. И чувствует, что его кто-то тащит веревкою на колокольную. “Кто это тащит меня?” — жалобно проговорил Иван Федорович. “Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты колокол”. — “Нет, я не колокол, я Иван Федорович!” — кричал он. “Да, ты колокол”, — говорил, проходя мимо, полковник П*** пехотного полка.

Н.В.Гоголь

«Иван Федорович Шпонька и его тетушка»

Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором № «Современника». Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося. А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я всегда думал, как о человеке меня любящем. Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги. Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять. Восточные, западные и нейтральные — все огорчились....

Я очень недаром молил всех прочесть мою книгу несколько раз, предугадывая вперед все эти недоразумения. Поверьте, что не легко судить о такой книге, где должен был бы заставить мыслящего человека задуматься замешалась собственная душевная история человека, не похожего на других, и притом еще человека скрытного, долго жившего в себе самом и страдавшего неумением выразиться. Не легко было также решиться и на подвиг выставить себя на всеобщий позор и осмеяние, выставивши часть той внутренней своей клетки, настоящий смысл которой не скоро почувствуется. Уже один такой подвиг и, не торопясь подачей собственного голоса о ней, прочесть ее в разные часы своего душевного расположения, более спокойного и более настроенного к своей собственной исповеди, потому что в такие только минуты душа способна понимать душу, а в книге моей дело души. Вы бы не сделали тогда тех оплошных выводов, которыми наполнена ваша статья.... Ну а что, если я долго носил в голове и обдумывал, как заговорить о тех критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые по поводу моих сочинений разнесли много прекрасных мыслей об искусстве? ... Пишите критики самые жесткие, прибирайте все слова, какие знаете, на то, чтобы унижить человека, способуйте к осмеянию меня в глазах ваших читателей, не пожалев самых чувствительнейших

...Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете? Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. ...

струн, может быть, нежнейшего сердца, — всё это вынесет душа моя, хотя и не без боли и скорбных потрясений. Но мне тяжело, очень тяжело (говорю вам это истинно), когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считал за доброго человека. Вот вам искреннее изложение чувств моих!

Н.Г.

Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух, — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному... Бестия наш брат, русский человек!

...Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед... Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. ... Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, и что в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. ... Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени...

Зальцбрунн, 15-го июля н. с. 1847-го года.

Ольга Ильницкая
друг ДООСа

Глюкнулось

Рисунок Кристины Зейтунян-Белουσ

Черное пятно разрасталось, выпуская лапки во все стороны. Мохнатилося, выпуклилось, и вдруг поползло, поползло, побежало — и застыло в углу. Там, где стена переходила в потолок. Там белизна скомкивалась черным пятном и шевелилась паутиной. Паутину покачивал сквозняк. Под паутиной спала девочка. Паутина, как полог, спускалась и закрыла девочку. К рассвету девочка оказалась в коконе, и когда мама вошла в комнату, на нее с потолка упала коси-косиножка, с длинными лысыми лапами, не мохнатая, а геометрически четкая.

Мама завизжала. Прибежал папа. И они посмотрели друг на друга. А потом в угол, где спала девочка. А угла не было. Круглый белый кокон съел уже четверть комнаты. Мама с папой подошли, пальцем потыкали в стенку.

«Шелковая», — сказал папа. — «Бархатная», — сказала мама. — А Лялька где? Мы не спим?» А папа сказал: «Мы с тобой вчера про такое читали». А мама сказала: «Мы что, в книжку вошли?» — «Нет», — сказал папа, — мы в комнату вошли». — «А это что?» — спросила мама. — «А это наша Лялька», — сказал папа.

Коси-косиножка вернулась, пробежала по кокону вверх, до самой до его макушки, где в потолок упирался он, словно яйцо суженной частью. Коси-косиножка утратила лысую геометричность, раскорячилась, замохнатилося, из серого превратилась в черное пятно. Мама с папой на цыпочках вышли из комнаты. «Давай войдем еще раз», — сказала мама. — «Это глюк». Папа открыл дверь. Сонная Лялька сидела в кровати, таранилась на большого паука. Паук сидел на подушке и таранился на Ляльку.

«Надо же, какая идиллия», — сказала мама. А папа нехорошим голосом сказал: «Ты не хочешь еще раз выйти и зайти?» А мама сказала: «Перезагрузимся! Ты выйдешь, а я останусь. И посмотрели. Изнутри мамы это выглядело так: когда папа вышел, стало темно. Когда папа вернулся, рассветло, Лялька захныкала, и ее срочно пришлось посадить на горшок. И папа сказал сквозь зубы: «Ну вот, кажется, попали в правильное время». — «А с местом — все нормально?» — спросила мама. — «А с местом невпрпад», — сказал папа, — там, за дверью, не то, что ты помнишь». — «А что?» — «Там тоже Лялька», — сказал папа. — «У нас теперь две Ляльки?» — спросила мама. — «Давай проверим», — сказал папа. — Я останусь, а ты выйдешь».

Ляльку сняли с горшка, усадили в кровать, и мама вышла. Когда она вернулась, папа сказал: «Ничего не менялось. А там?» — «А что там?» — сказала мама. — Там ничего».

И тут папа заорал: «Так это в тебе дело. Это ты крутишь все!» — «Что я кручу?» — возмутилась мама. — «Крутишь», — сказал папа злобно, — коконы навора-чи-

«По мере припоминанья сон этот представлялся в его воображение так тягостно жив, что он даже стал подозревать, точно ли это был сон и простой бред, не было ли здесь чего-то другого, не было ли это виденье.

Н.В.Гоголь
«Портрет»

ваешь. Ляльки второй точно нет?» — «Точно, точно», — успокоила мама.

И тут Лялька сказала низким взрослым голосом, мужским: «Какого черта, у вас ведь западает “Б” на клавише? Все дело в твердом знаке! Немедленно перепечатайте текст. Так просто вам от меня не избавиться! Ишь, что выдумали. Удочерители! Ша как рявкну, ща как вздыблю, все ваши пространственные нарушения, все ваши временные подвиги».

«И что будет?» — строго спросил папа. — Ты, Лялька, не выпендривайся. Ты, Лялька, писай вовремя и не вякай». А мама добавила шепотом: «Ну, вы меня заморочили. Лялька, ты, пожалуйста, коси-косиножек больше не превращай в тарантулов. А то у меня ноги подкашиваются. Я же могу не вписаться в двери, застрять на выходе или входе, и фиг тогда с “Б” справимся».

А Лялька басом ответила: «Клавиатуру давно пора новую купить. Все глюки в ней сидят! Ты посмотри на свои пальцы, с них вся твоя шиза стекает в клавишу, а шиза твердости не выносит, вот и екнулся “Б”». — «Ну да, — недоверчиво сказал папа, — чего на клавишу валите? Приличная женщина. И кофе хорошо готовит, не вам чета. И концы у нее все увязаны».

— Э, нет, — сказал тарантул, — напрасно вы все пытаетесь свести к компьютерному пространству. А с часовым поясом вообще ошибетесь, и опять меня лысым сделаете. Холодно мне коси-косиножить, не буду больше ничего увязывать. Тоже мне, биомэны, устроили здесь попури. Слов на вас приличных не напасешься!

«Завязывайте, — пробасила Лялька, — завязывайте эту хрень болотную. Вы уже забыли, с чего началось все». — «Я помню», — сказала мама, — помню. Серая паутинка, сквозняк, веранда. Мы сидим, чай пьем, а серая паутинка на моих плечах. Помнишь, помнишь, — перебила сама себя. — Это ты привез из Оренбурга, тонкий козий пух, через обручальное колечко проскочило. Проскочило, взлетело, и выпало из нее вот это чудовище», — ткнула пальцем в Ляльку.

«У, стерва», — сказал папа, — так бы и дал, если б не младенец». — «Какой я тебе младенец?» — возмутилась Лялька. — «Давай!» — «Что тебе давать?» — сказала мама. — Мало уже получила? Кабинет отдельный, систему новую, целых две центрифуги. Кобенишься!»

И тут произошло. «Туману напустили в комнату, — сказала Лялька, — света белого не видать!» — «Тебя видать еще», — сказал тарантул. — Ты только не дергайся, мне тебя укусить нужно». Не успела Лялька отшатнуться, прыгнул на нее тарантул.

Наступила ночь. А ночью всякие сны снятся людям

Андрей Геннадиев
Хельсинки, Финляндия

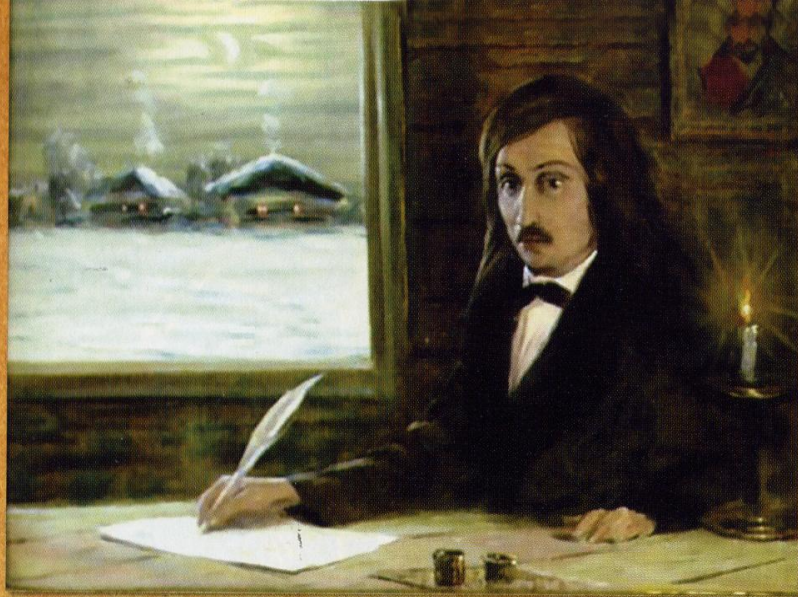
Андрей Коровин
ДООС – крымозавр

вот некий человек возможно извращенец
за девушкой одной по улице спешит
вот некий адъютант посыльнопорученец
над лилией другой распахнутой дрожит

вот некая шанель над неким бонвиваном
свивается клубком... её ли он искал?
вот некая **шинель** досталась хулиганам
а некий длинный **Нос** признание снискал

а вот и я друзья сижу в метровагоне
вокруг меня зима внутри меня метель
мчит поезд под откос но на последнем склоне
кто рухнет в небеса кто кончит на постель

Гоголь.
Художник Ф.И.Соколов
конец XIX века

«... человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед... нужно с ними бороться, — для того и жизнь дана человеку, — что ни в каком случае не следует унывать, как не унывал и Одиссей...»

Н.В.Гоголь

(письмо к Н. М. Я.....ву)

Анатолий Гринвальд

Лейпциг, Германия

Гоголь в декабре

мы научились делать тишину
из звуков города покрашенного сажей
мы научились слушать старшину
бывало скажет он а впрочем он не скажет
он мёртв уже давно раздавлен танком
его жена живёт с каким то немцем
и говорит когда он из неё выходит данке
и собирает марки пробки нэчки
я не бывал в донецке спой мне песню
про поезда парящие над сушей
про мир который пенису так тесен
я буду слушать слушать слушать слушать

но ты не ленин
рот сиренью порван
густая кровь стекает со свечи
каждый из нас немного пушкин
одного дантеса на всех не хватит
ветер в припадке
бьётся головой о стену
ему тоже больно
молчи

столько лет живу,
а всё ещё не самурай -
никак не могу сделать себе хакакири

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Дмитрий Песков

Чикаго, США

*

В дорогу! Дальше от людей
Плыви, страдалец Одиссей,
Плыви, плыви и день, и ночь,
Да сохранит тебя Господь!

На суше плачет Пенелопа,
Подушку поделив с другим,
У Пенелопы ты один...
Но до положенного срока.

Всё, Одиссей и пыль, и прах,
И мужество — лишь только страх
И одиночества оковы...
Всё, Одиссей и пыль, и прах...

*

Бежит из города Иуда,
У триумфатора — простуда,
У фарисеев — беспорядки,
Малыш играет с мамой в прятки,
А самый лучший ученик
Сидит один главой поник.

Что ждет их в будущем? Старение?
Стремление найти спасение
От впечатлений этой ночи?
Нет-нет. Все проще и короче...

Иуда на суку висит,
Правитель с девою лежит,
У фарисеев те же споры
Насчет Содомы и Гоморры,
Малыш вырастет. Часто плачет,
А ученик живет на даче:
И день и ночь и круглый год
Он то ли сеет, то ли жнет.

Андрей Вradий
ДООС

Наша форма

Уже второй час подряд не знаю, что делать.
Может быть, еще раз позвонить и записаться?
Откуда эти сомнения? Возможно, водка, выпитая в гостях, дает о себе знать?

Если бы...

Я чувствую, что... Как бы это объяснить получше?

Что меня подгоняют, стараются подстроить, адаптировать что ли к какой-то другой ФОРМЕ.

Меня сначала нагревают, гнут, мнут, а затем размявшего и теплого прилаживают к ней.

Или не звонить?

С другой стороны, почему? Обычно сначала все так хорошо.

Выходишь на улицу, и чувствуешь, что ее подкорректировали под тебя еще лучше, еще совершенней. Приятно осознавать, что к твоему телу подлаживаются, подстраиваются... Стараются повторить все его мельчайшие нюансы.

Или позвонить? Мной снова овладевает это ощущение, это странное, ни с чем несравнимое, чувство.

Чувство ФОРМЫ. Я ее чувствую в каждом вздохе, в каждом звуке, в каждом жесте. Как я не пытаюсь извернуться, уйти от этого, сделать все по-своему... Ничего не выходит. Каждый раз все больше убеждаюсь в том, что я просто податливый и мягкий материал, который чем дальше, тем больше прилаживают к ФОРМЕ. Я как бы обволакиваю ее собой, обтягиваю. Все ее изгибы, выпуклости, движения, эмоции, и даже сны. Вот и сейчас я проснулся без чего-то четыре, от этого чувства, этого до боли знакомого чувства ФОРМЫ. Это ФОРМА ее сна. Так тепло к ней прижиматься...

— Вообще-то, это ты — моя ФОРМА!

— Что?

— Да! Ты!

— А... И это ты меня уже порядком достал! Думаешь легко к тебе такому импульсивному прилаживаться?

— Но...

— Здесь нам, видите ли, неудобно, там жестко, еще и храпит, вертится, и...

— Ладно, хватит с меня этого самокопания! Лучше буду ходить С НОСОМ!

Орнаментальная визуализация **Андрея Вradия**

Кристина Зейтунян-Белоус
ДООС

Париж, Франция

От комнаты остался только свет
квадрат окна вращается в небо
и стены маскируются под воздух
а солнечная колесница потолка
так высоко взлетела
что немеет взгляд

Побудь травой
Побудь немного травой
зеленой и безмозглой
Это ведь так приятно
не думать
не бояться
ничего не чувствовать
Просто тихо расти

голубоглазый
воздух
вбит клином
между тополем
и серобетонной башней
тает пух
на губах
чуть просроченных
облаков
кусочек неба
остроконечного
неба
украли зима
у в бозе почившей
весны

«На дороге встретил он штаб
офицершу Подточину вместе с
дочерью, раскланялся с ними
и был встречен с радостными
восклицаниями, стало быть
ничего, в нем нет никакого
ущерба. Он разговаривал с ними
очень долго, и нарочно вынувши
табакерку, набивал пред ними
весьма долго свой нос с обоих
подъездов, приговаривая про
себя: «вот, мол, вам, бабье,
куриный народ! а на дочке всё-
таки не женюсь. Так просто, ра-
а-а-а — изволь!»

Н.В.Гоголь
«Нос»

Игорь Яркевич

Новый мир еще раз, или История советской литературы

«Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест... Ум и желудок мой оба голодают».

Н.В.Гоголь

из письма А.С.Пушкину.

Россия снова строит новый мир. И тут очень может пригодиться опыт советской литературы. Советская литература уже однажды довольно успешно построила новый мир. Это было в двадцатых-тридцатых годах прошлого века. Возможно это повторить и ещё раз. Социализм, конечно, снова не построишь. Тем более старообрядческий социализм Платонова – социализм чистой веры в советского Бога, сжатых зубов и рыгания после супа на картофельной коже. Но всё же советскую литературу можно попросить ещё раз построить что-нибудь новое. Не как в двадцатые-тридцатые годы, что-то новое совершенно с другим знаком, но всё же построить что-то новое.

Начнём с поэтов.

Пастернак чувствует себя довольно уверенно и пишет о светлом капиталистическом будущем: «Ты рядом, даль капитализма». Власть относится к нему с уважением и вернула дачу в Переделкино.

Мандельштам чувствует себя совсем неуверенно и пишет антилужковские стихи: «Мы живём, под собою не чуя Москвы». Пастернака считает конформистом, но всё же талантливым поэтом.

Ахматова пишет нервные стихи о безответной любви лесбиянки к гомосексуалисту и спокойные стихи о Пушкине. Поддерживает отношения только с Мандельштамом. С Цветаевой не разговаривает, но здороваются.

Цветаева – пишет нервные стихи о счастливой любви лесбиянки к гомосексуалисту и героическо-возвышенные стихи о Пушкине. Хочет дружить с феминистками, но феминистки ее боятся. С Ахматовой не разговаривает и не здороваются.

Блок написал поэму о новом русском Христе, но сам в церковь давно не ходит и вообще заметно охладил к православия.

Гумилёв ведёт колонку в радикальной газете монархического толка и пишет стихи о супермаркетах и ночных клубах. Гордится знакомством с главарями преступных группировок. Недавно купил газовый пистолет. Хочет купить ещё один газовый пистолет, чтобы подарить его Мандельштаму.

Маяковский пишет рекламу в стихах. Особенно хорошо у него получается о прокладках; «Ты люби её, люби, прокладку ОБИ». И о батончиках «Марс» тоже получается хорошо; «Эй, Русь, меняй квас на Марс». О компьютерах и жвачке получается хуже, но рекламодатели довольны. Пишет тексты для рок-групп. По привычке участвует в работе избирательного штаба коммунистов.

Есенин – любимый поэт поп-звёзд. Первый человек в мире поп-поэзии. Женат на Алле Пугачёвой. Выдаёт себя за антисемита, но ему никто не верит. Пытался себя клонировать, но неудачно. Когда напивается, выбрасывает из окна компьютер. Во время последнего запоя сжёг все компакт-диски с записями песен на его стихи. Когда был

в гостях у Пастернака, то, крепко выпив, выбросил из окна компьютер Пастернака.

Хлебников пытается дружить с постмодернистами и потерялся где-то посередине между Интернетом и толстыми журналами.

Багрицкий пишет романтическую поэму о транспортировке марихуаны из Средней Азии в европейскую часть России. Светлов, Уткин, Смеляков и другие пролетарские поэты пишут антибуржуазные стихи. Что-то вроде: «Каждая мразь жрёт Марс, а каждый хам ходит в храм». Но при этом они ближе к молодёжи, чем Маяковский, и пишут антинаркотические стихи для социальной рекламы. Типа: «Пей, парень, пей и кури, но только не трогай, парень, героин». Производители рекламы их используют, но не так активно, как Маяковского.

А что бы делали советские прозаики? Советским прозаикам трудно. Им сложнее, чем поэтам. У прозаиков горизонт исчез совсем. Прозаики тяжелее, чем поэты, переживают потерю Россией культурного энтузиазма.

Шолохов пишет, что и писал, но всё же с поправкой на конец века. Девяностые годы ему представляются одним из перегибов НЭПа. Шолохов работает над продолжением «Поднятой целины». Шолохов настолько одиозен, что его боятся все. Шолохова не печатают. Шолохов ушёл в андеграунд. Он ест говно, подглядывает за проститутками и ночует с бомжами. Утром читает бомжам то, что написал ночью. Шолохов стал мэтром нового андеграунда. Единс-

ПОздравляем!

Игорь Яркевич стал лауреатом премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2011» в номинации «Нонконформизм-судьба» (по совокупности заслуг) с формулировкой «за новые типы прозаического мышления, стиля и языка».

твенным приличным писателем, кроме себя, считает Платонова. Хочет с ним познакомиться. Когда НАТО бомбил Сербию, плюнул в окно американского посольства.

Фадеев снова был готов выполнить социальный заказ и написал роман «Разгром-2» о генерале Лебеде и роман «Молодая элита» о прогрессивных олигархах. Пытался вести общественную деятельность, но не понял, в какую сторону ее вести. Хотел стать депутатом, но не смог разобраться в партиях и политических интригах. Так и не привык к многопартийной системе. Оглядываясь по сторонам, иногда ходит в церковь.

Фурманов дезориентирован. Фурманов пишет роман «Басаев» и сценарии для мыльных опер.

Алексей Толстой не растерялся. Алексей Толстой решил написать по роману о каждом из московских патриархов после семнадцатого года, но застрял на православных обрядах и теперь пишет эпопею в четырех томах об истории секса в России в двадцатом веке с массовыми сценами и сквозными персонажами. По ночам читает геральдические книги и смотрит порнографические сайты в Интернете. Пытается помочь Фурманову правильно ориентироваться в современном мире.

Островский — с Островским неясно. Островский нашёл какую-то новую сталь, которая вот-вот должна закалиться в огне постсоветского периода, но пока ещё сам не знает, что это за сталь. Возможно, это бывший секретарь парткома металлургического завода, безоговорочно расставшийся с советским прошлым и теперь проходящий вместе с Россией сквозь огонь и воду рыночной экономики.

Гайдар пишет очерки о горячих точках. Написал слезливый роман о школьниках, употребляющих наркотики. В романе все персонажи несчастные. Несчастные школьники. Несчастные наркотики. Несчастные родители и несчастные наркодилеры. Но есть и позитивный пример: тинэйджер по имени Марат организует команду таких же тинэйджеров, ведущих показательно здоровый образ жизни. В конце романа они устраивают наркодилерам Варфоломеевскую ночь.

Бабель — певец новых русских с еврейской фамилией. Но новые русские с еврейской фамилией относятся к Бабелю равнодушно. Они не считают Бабеля своим писателем. Алексей Толстой им нравится больше.

Булгаков, как и Шолохов, пишет то же, что и писал. Но не так одиозен. Ректор Литературного института. Ведёт на телевидении программу о духовности. Недавно ходил с Алексеем Толстым играть в казино по небольшим ставкам.

Зощенко стал Жванецким.

Илья Эренбург пишет сентиментальные детективы о политических компроматах. Вхож в высшие круги МВД и ФСБ. Недавно у него обокрали квартиру. На ноги была поставлена вся московская милиция. Результатов пока никаких, но следствие не теряет надежды.

Ильф и Петров ведут раздел светской хроники в солидной газете и пишут авантюрно-сатирический роман о пирамиде Мавроди.

Хармс очень доволен новой русской жизнью. На каждом шагу устраивает бесконечные акции и перформансы. В метро и на улице его часто останавливает милиция, принимая то за городского сумасшедшего, то за чеченца. Но психиатры его обожают и в обиду не дают.

Набоков — хоть и не советский писатель, но представить можно. Набоков наконец-то решился написать злобный роман о Достоевском.

Замятин написал антиутопию. Россия построила капитализм. Очень примитивный капитализм китайского типа: коррупция, криминал, кич и массовая деградация. Духовность почти исчезла. Но всё-таки духовность иногда ещё напоминает о себе. Роман интересный, но неровный.

Фёдор Сологуб пишет роман «Мелкий бес — 2» о предпринимателе средней руки. Но теперь это роман об обычной столичной сволочи без всякой примеси провинциальной мистики.

Андрей Белый написал роман о сыне крупного чиновника из Управления делами президента, связанного с экстремистами. Синтаксические конструкции уже проще, чем в «Петербурге». Увлекается сайентологией.

Вагинов пишет роман о жизни литературной богемы: наркотики, бисексуалы, транссексуалы, СПИД, роликовые коньки, рейв-дискотеки.

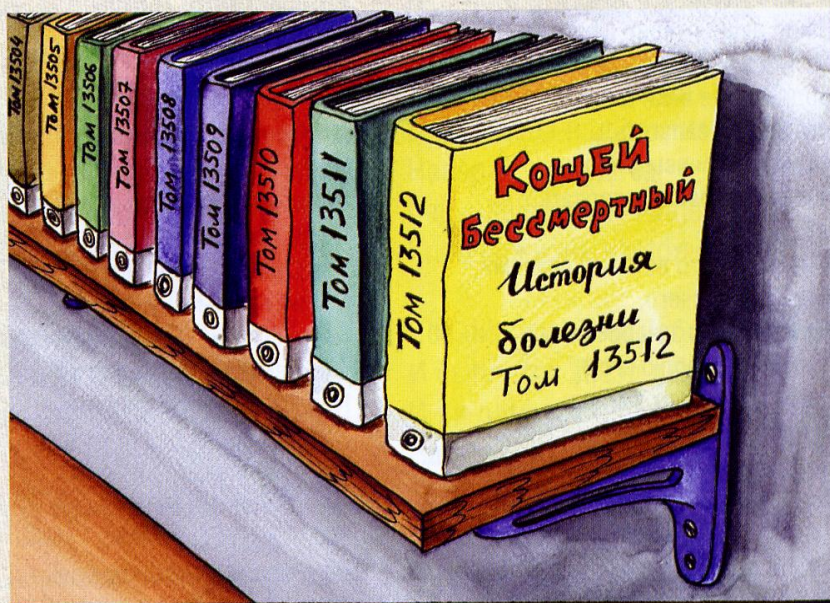
Олеша написал роман «Зависть». О зависти русского интеллигента постсоветского периода ко всему остальному миру.

Добычин много печатается в Германии. В России известен мало.

Платонов — единственный писатель, который верен эстетике соцреализма. За пределами эстетики соцреализма Платонову скучно. Поэтому Платонов ничего не пишет. Просто живёт. Принципиально много пьёт. Иногда пишет стихи и литературную критику. Пытался уйти к старообрядцам, но так и не смог до них дозвониться и узнать адрес. Часто ходит по улицам и ищет Шолохова, но найти его не может.

«Я ничего не знаю, что могло случиться с вами в это время. Может быть, вы сделали теперь высокого роста. Я же человек тщедушный, худенький и после разных минеральных вод сделался очень похожим на мумию или на старого немецкого профессора с спущенным чулком на ножке».

Н.В.Гоголь,
из письма М.П.Балабиной

Рисунки **Игоря Ревякина**
специально для ПО

Ольга Журавлева Истина

Н.В.Гоголю

– Дайте мне лестницу,
Дайте –
Дайте же!
Страшное днище у жизни, чёрное.
Ласточки искренности слетайте
За море норы искать новые.
Брошена кисть, смазано вечное,
Буква за букву держится цепко –
В буре вселенского, очеловеченного,
Якорем в небо врезалась церковь.
Церберы циников целенаправленно
Грабя, гребут под себя правила –
Сколько же правд на земле разграблено?
– Дайте мне лестницу, что же Вы,
Дай-те!!!
Обескуражено и паскудно
Впалое солнце на смертном поприще.
Бледные пальцы жертвуют чудом
Не помышляя уже о помощи.
После себя – ЧТО оставите,
Если немедля отплыть прикажут?
Ставьте же лестницу – в небо ставьте...
Честную. Сами... не то накажут.

27 марта 2009

Наталья Никифорова

«Философ остался один... Посредине стоял черный гроб. Свечи теплились перед темными образами. Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами. Позолота в одном месте опала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно».

Н.В.Гоголь
«Вий»

Взгляд прекрасный и
стремительный,
Чары словно дикий мёд,
Мы одни в святой обители,
Вечность кружит хоровод..
Мир как будто встал за гранями
И быть может его нет,
Наши души птицей раненой
Мечутся и ждут рассвет..
Поднимайте веки Виевы –
Нас ему не запугать,
Силы есть оковы змиевы
Вновь Любовью разорвать...

Мир как будто встал за границами,
Я не вижу ничего,
Ты мой ангел зачарованный...
(Как же я люблю его!)
Жаль, не можем в мире
облачном
По дорожкам мы гулять,
Все ж надеюсь чувством
огненным
Я тебя очаровать!
Поднимайте веки Виевы!

Мне здесь нечего терять,
Разорву оковы змиевы
И смогу тебя обнять!

Взгляд пронизывает душу,
Что-то ищет в глубине,
Но Ты рядом, я не струшу —
Вместе Мы сильнее вдвойне!
Пусть разорван круг магический,
Нас Судьбе не одолеть,...
Мы на крыльях чувств

Сможем в Вечность улететь.
Петухи кричат за стенами,
Нечисть прочь бежит от нас,
Мы искуплены, оценены,
Не сломил нас Виев глаз...

Да и место не простое ведь,
В церкви мы, не на юру!

Встану из гроба невестою,
Смерть отрину. Не умру!
Солнца свет блеснул по образу,
Прокричали петухи.
Убирайтесь слуги Виевы
Видеть вас мне не с руки.
Я на милого, желанного
Наглядеться не могу.
Для меня судьбой избранного!
Что ж лежать теперь в гробу...

Глянут вслед Нам лики строгие,
Им такое непервой —
Видеть как, коль чувства дороги,
Побеждает смерть Любовь...
В подземелье нечисть скроется
И сомнения уйдут,
Двери храма Нам раскроются,
И рассветом обожгут...

Станислав Минаков
Харьков, Украина

Сон воеводы

Я Сумы проспал, я очнулся в Сумах —
визжавших, что ржавая гайка.
Упавшее сердце стучало впотьмах:
«Нэгайно, нэгайно, нэгайно»*.

Что мает, имает меня на испуг,
играет в ночи как ногойка?
Так — залпом, внезапно, немедленно, вдруг:
«Нэгайно, нэгайно, нэгайно».

Ахтырка, ах ты-то, чернея, как нефть, —
заржавела или заржала?
Как будто регочут, снося меня в неть, —
ягайло, скрыгайло, жаржайло.

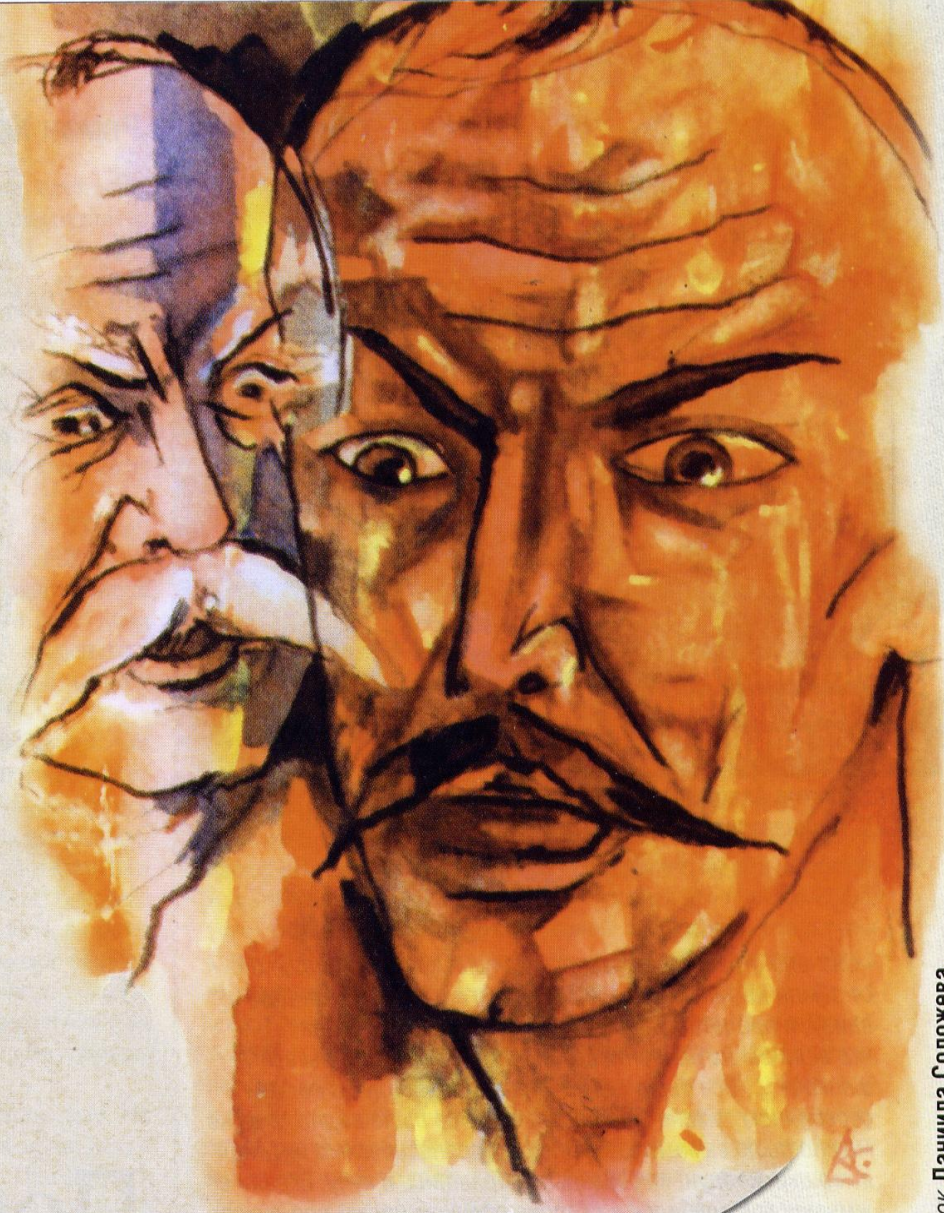
И скрежет, и режет, и гложет, и лязг,
и фары, и гвалт inferнальный.
Литвин, галичанин нахальный и лях
затеяли грай погребальный?

Три чорта — три ражих, три рыжих черта
пролаяли, будто над прахом.
Но я — не закончен! И вряд ли черта
отчерчена слухом и страхом.

Я русский бы выучил только за то б,
что в нём — благодатная сила,
за то, что Солоха, грызя Конотоп,
от русского — кукиш вкусила.

Не слышать, не видеть, не знать, не терпеть
нэгайной и наглой их воли.
Скажи, Богодухов, и Харьков ответь:
доколе, доколе, доколе?

19 января 2008,
Крещение Господне

* нэгайно — (укр.) немедленно

рисунок Даниила Соложова

Ирина Силецкая

Несвобода

Тугие тиски несвободы,
Тошнит от прогорклой тоски.
Здесь пятое время года,
Здесь русла нет у реки.
Ни правил здесь, ни законов,
Нет целей, мотивов, идей.
Здесь нет никакого резона
Любить и жалеть людей.

Здесь вечные сопки и горы,
Ветра валят тут же с ног
Того, кто, назвавшись вором,
Украсть по уму не смог.
Здесь права нет на ошибку,
Упал — никогда не встать.
Здесь лишь металлически гибким
Быть надо, здесь только рать,

Лишь меч — вот твоя защита
От стрел и рапир темноты.
Лучами Луны прошита
Тень давней твоей мечты,
Подвешена над сомнением,
Неверием в чудеса.
Секунда на размышление —
Короче жизнь на полчаса.

Все ниже колпак небосвода,
И сыплется звезд картечь,
И ни одного солдата
На поле, их не сберечь.
Тиски не разжать несвободы,
Закручивается спираль
И смерч поднимает воды,
Бросая в немую даль...

Фото-графика Елены Кацюбы

50 лет назад человек вышел во Вселенную

Фото: Виктор Ахломов
ДООС – линзазавр

«Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. ... Все было светло в вышине. Воздух в легком серебряном тумане был прозрачен. Все было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало свое; кузнец все летел...»

Н.В.Гоголь

«Ночь перед Рождеством»

«...Бог один величаво озирает небо и землю, и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром...»

Н.В.Гоголь

«Страшная месь»

«Вы спрашиваете меня, появилась ли точно комета в Петербурге. Охота же вам заниматься ею! Мало ли подобной дряни является каждый год! По мне, хотя бы двадцать комет засветило вдруг и все звезды поприцепляли к себе длинные хвосты, придерживаясь старой моды, мне бы это не больше принесло радости, как прошлого году упавший снег. Впрочем, когда вы мне объявили, что есть комета, то я нарочно обсматривал по несколько часам небо, но никакой звезды, даже короткохвостой или куцой, не встретил».

Н.В.Гоголь,

из письма к матери

Роман Хотиник

Об авторе:

«Он много лет занимался популяризацией метеорной астрономии, сбором материалов и поиском метеоритов на территории нашей страны и в ближнем зарубежье и посвятил им десятки научных и научно-популярных статей. Благодаря его стараниям отечественная метеоритная коллекция пополнилась 25 новыми метеоритами. Наиболее известная находка – метеорит «Царев» – крупнейший каменный метеорит России массой 1600 кг. Он первым предложил наблюдать болиды из космоса. За заслуги в области метеорной астрономии и метеоритики его именем назван астероид № 4428».

В.И.Цветков,

кандидат физико-математических наук

Почему так устроена Вселенная?

Часть первая.

Хочу поделиться некоторыми (может быть, философскими) соображениями, которые еще нигде не опубликованы, но о некоторых из них я беседовал по телефону с Артуром Давидовичем Черниным и с Анатолием Михайловичем Черепашуком (Найдите книгу Черепашук А.М., Чернин А.Д. «Вселенная, жизнь, черные дыры», Издательство Век-2, 2004 г., Фрязино).

Уже давно – лет 40 назад – я сформулировал, точнее, собрал в единое целое взятые из физики некоторые положения, которые справедливы на всех уровнях Вселенной, просто они в физике выглядят легко и наглядно, а верны во всей Вселенной. Это не просто законы, а принципы Бытия – духа, природы и общества. Они следующие:

- 1) Структурность
- 2) Принцип Относительности
- 3) Принцип наименьшего действия
- 4) Принцип уменьшения и увеличения энтропии
- 5) Принципы Сохранения (все и разные) – энергии, массы и др.

6) Принцип дополнительности (т.е. соотношение детерминизма и хаоса)

7) Принцип неопределенности (т.е. будущие состояния структуры или системы могут быть разные и вероятность разных состояний – разная)

8) Принцип комплементарности, т.е. противоположные состояния, качества [но не единство борьбы противоположностей по марксизму], например: плюс-минус, максимум-минимум, тяготение и антитяготение, Бог – Дьявол, жизнь – смерть, любовь – ненависть, добро – зло, белое – черное, друг – враг, северный и южный магнитные полюса, положительные и отрицательные электрические заряды и многое другое. Этот принцип предложила А.Я.Скрипник.

Эти восемь положений я назвал **КВАНТЫ ИСТИНЫ**, или **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ БЫТИЯ** духа, природы и общества, т.е. они справедливы и в социологии. Я думаю, что Принципы – понятия более высокого ранга, чем конкретные законы разных наук и общества. Законы действуют и работают в своей области, а Принципы управляют на всех уровнях Вселенной.

В книге Эйнштейна «Физика и реальность» он пишет, что должны быть какие-то общие положения, справедливые во всех науках и на всех уровнях Вселенной. В книге выдающегося космолога Стивена Хокинга «Черные дыры и молодые вселенные» для понимания Вселенной написано: «нельзя избавиться от чувства, что есть более глубокое объяснение». В одной из статей физик Я.А.Сморodinский пишет, «что должны быть принципы, которые мы еще не знаем». А космолог Чернин А.Д. пишет: «Внутренняя симметрия в космологии... указывает на существование в природе неизвестных ранее глубинных связей» (журнал «Природа» 2006 г. №10, статья «Внутренняя симметрия Вселенной»).

Принципы – они просто есть, и их доказывать не надо. Их справедливость проявляется в дальнейшем развитии науки – они просто высказываются и постулируются. Примеров в науке много. Макс Планк в 1900 году для решения кризиса в проблеме излучения без доказательства выдвинул идею квантов, которая блестяще подтвердилась и привела к возникновению науки «квантовая механика». Таким же образом в развитии подтверждены принципы относительности Эйнштейна. Закон Всемирного тяготения Ньютона принят без доказательства и подтвердился на практике (например, открытие Нептуна). Также без доказательств была принята сначала гипотеза, а потом теория Коперника. Наверно, такие примеры есть в биологии (генетика). Эти **ПРИНЦИПЫ БЫТИЯ**, как и космический вакуум, вне времени, т.е. вечны. Они стали явными моментально после Большого Взрыва, а физические постоянные через 1 секунду после Большого Взрыва. Они есть и в Космическом Вакууме, но только в особом экстремальном состоянии. Это можно показать отдельно.

Наличие этих принципов, может быть, и есть более глубокое объяснение по Хокингу. Может быть, эти принципы и есть те, о которых писали Эйнштейн, Хокинг, Сморodinский, Чернин – «что есть принципы, о которых мы еще не знаем».

В 1929 году Эйнштейн задал вопрос: почему Природа и Вселенная так устроена? Цитата: «Мы хотим не только узнать, как устроена природа, ... но и по возможности достичь цели утопической и дерзкой на вид – понять, почему природа является такой, как она есть...?» (это из книги «Вселенная, жизнь, черные дыры» Век-2, 2004 г., стр. 273).

Я пытаюсь дать ответ. Вселенная такая потому, что она **УПРАВЛЯЕТСЯ ПРИНЦИПАМИ БЫТИЯ**. А бытие существует в двух ипостасях – материи и духа. А задавать вопрос, что первично, а что вторично, не имеет смысла.

Далее следуют описания и характеристики этих принципов.

1. ПРИНЦИП СТРУКТУРНОСТИ

Все, что нас окружает, – это структуры: все предметы, животные и растения, все элементарные частицы, все небесные тела (планеты, звезды, галактики и др.) Вне каждой структуры есть другие структуры. Единственное исключение – это открытый 10 лет назад Космический Вакуум – Темная Энергия (КВ – ТЭ). Таким образом, КВ – ТЭ не структура, потому что вне его ничего нет. КВ – ТЭ ни на какие части не делится, т.е. континуум – недискретная субстанция, а кроме того, является всеобщим (или абсолютным) инвариантом, потому что его свойства постоянны во всех системах отсчета. Так считают ведущие космологи.

Совершенно очевидно и не требует доказательства то, что все физические структуры во времени существуют один раз. Космологи считают, что КВ – ТЭ вне времени, а так как это еще и не структура, то он вечен.

Кроме физических материальных структур существуют нематериальные структуры. Это информация, душа, мысли, чувства, парадигма, музыка, идеальные геометрические фигуры, системы счисления, азбука, таблица умножения, законы физические и законы социальные, философские и социальные учения, разные религии, конституции, литературные произведения и многое другое. Великий математик Лобачевский писал: «В природе нет поверхностей и линий, но есть свойства тел, познание которых должно было родить эти понятия». Для того чтобы это передавать от одной физической структуры к другой, чаще всего от человека к человеку, должны быть материальные носители нематериальных структур. А это электромагнитные и звуковые волны, радио, телевидение, телефон, интернет, письма, партия, книги, газеты, театр, церковь, мечеть, синагога и многое другое – это все тривиально и очевидно. Каждый человек – материальный носитель нематериальной структуры – души. Музыку можно рассматривать как проявление третьей сигнальной системы.

2. ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Сначала Галилей, а потом Эйнштейн создали физическую теорию относительности. А выводы ее стали всеобщим принципом относительности, справедливым на всех уровнях природы, в том числе и в социологии. Суть принципа заключается в том, что если какой-либо предмет или структура одновременно находится в разных системах отсчета, и если его свойства в одной системе отсчета справедливы и верны, то они не имеют смысла и неверны в других системах отсчета. Свойства верны отдельно в каждой одной из систем отсчета, а спрашивать, какие же свойства вообще верны – не имеет смысла. Примеров огромное количество: где настоящие верх и низ, сколько времени прошло в парадоксе близнецов, какая траектория падающего шарика в движущемся вагоне – вертикаль или парабола – каждое верно в своей системе. И люди имеют разные качества и свойства в разных системах: член семьи, сотрудник на работе, пациент в больнице, пассажир в транспорте, покупатель в магазине и многое другое. Свойства в одной системе не имеют смысла в других системах отсчета. В этом суть принципа относительности.

3. ПРИНЦИП НАИМЕНЬШЕГО ДЕЙСТВИЯ

Суть принципа в том, что все процессы в природе и обществе происходят так, чтобы был максимальный эффект при минимуме затраты энергии. Цитата: «Уравнение Эйнштейна выводится из принципа наименьшего действия для гравитационного поля и материи...» (Архангельская А.А., Розенталь И.Л., Чернин А.Д.

«Космология и физический вакуум»). Издательство «URSS», 2006 год).

Этот принцип справедлив на всех уровнях природы, в том числе и в социологии. Примеры: пространство Вселенной – плоское, т.е. кривизна ≈ 0 . Космолог А.Д.Чернин (ГАИШ, МГУ) открыл и установил внутреннюю симметрию Вселенной, которая выражается в приблизительном равенстве интегралов Фридмана, с точностью до 2-3 порядков (журнал «Природа» 2006, № 10). Это как бы характеризует тонкую настройку с точностью до 10-60. И это дает ответ на вопрос Эйнштейна, почему так устроена Вселенная, а не на вопрос, как она устроена? Это ответ Чернина А.Д. на один из аспектов, почему так устроена Вселенная. Это выдающееся открытие внутренней симметрии Вселенной – проявление принципа наименьшего действия. Как отмечает Чернин А.Д., «эта симметрия не геометрическая, природа стремится к простоте».

Закон всемирного тяготения (фундамент науки – небесная механика) – также проявление этого принципа. Падение тел, т.е. «стремление» занять положение наименьшего потенциала. И еще примеры: планеты движутся как бы в гравитационной потенциальной яме Солнца, электрический ток идет там, где меньше сопротивление, а свет – где меньше коэффициент преломления. А в жизни и быту принцип проявляется в экономном ведении промышленного, сельского и домашнего хозяйства. Еще пример: планеты и звезды имеют форму шара, потому что поверхность сферы минимальна для данной массы – это тоже проявление данного принципа. А вот и серьезная шутка: потенциальными ямами также являются посуда, карманы, портфели, сумки и чемоданы, для того, что в них находится.

4. ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Этот принцип был открыт в физике в 1927 году Гейзенбергом. Там он проще и нагляднее проявляется. Но его философский смысл и его суть справедливы и проявляются на всех уровнях природы, в том числе и в социологии. Смысл его в том, что будущие состояния системы или структуры могут быть многовариантны. И каждое состояние имеет разную вероятность.

Большое внимание принципу неопределенности уделил Стивен Хокинг в вопросе происхождения нашей Вселенной. Все космологи считают, что наша Вселенная появилась после Большого Взрыва и с этого мига начался отсчет времени. Говорить о времени до Большого Взрыва не имеет смысла, а сам Большой Взрыв – это гигантская флуктуация космического вакуума. А сам космический вакуум или темная энергия КВ – ТЭ не вещество, а некая сплошная недискретная (т.е. континуум) вездесущая субстанция, находящаяся вне времени и в вечном покое. Такова гипотеза Э.Глинера в 1965 году.

Для КВ – ТЭ нет ни прошлого, ни будущего, т.е. он вечен. КВ – ТЭ своим антигравитационным воздействием вызывает ускоренное расширение Вселенной – таков вывод современной космологии.

Хокинг говорит о предистории Вселенной, т.е. в ней есть большой набор физических констант, и в миг Большого Взрыва случайно стали явными, т.е. это константы, которые сейчас есть в нашей Вселенной, т.е. скорость света (c), постоянная тяготения (G), постоянная Планка (h), массы элементарных частиц и пр.

В этом смысл принципа неопределенности для Космического Вакуума, так как неизвестно, какие константы станут явными. Космологи считают, что в других метagalactиках (если они есть?) могут быть другие константы. А я думаю, что и другие Принципы Бытия. Этими выводами Хокинг решил проблему антропного принципа, т.е. никакого Создателя

не надо – физические константы случайно стали явными и в развитии Вселенной привели к разумному человеку – наблюдателю Мира.

Интересно вспомнить, что, когда у Ньютона спросили, «какова роль Бога во Вселенной?», он ответил: «Бог только дал первый толчок», но это же и есть Большой Взрыв!! А потом Вселенная развивалась по физическим законам. Приблизительно так же ответил и Лаплас в беседе с Наполеоном – «я в гипотезе Бога не нуждаюсь».

Замечательно показано проявление принципа неопределенности в книге Лескова Л.В. «Нелинейная Вселенная». Это показано и в физике, и в астрономии, а также и в социологии. Особенно это хорошо видно в тексте завещания Г.В. Плеханова (1918 г., опубликовано в 1921 году). Это замечательное предвидение развития общества без учета разных вариантов его состояния в будущем. То есть, отказавшись от предвидения Плеханова, получили полный и абсолютный детерминизм с хорошо нам известным результатом, т.е. с жестким планированием и отменой частной собственности. И все это от незнания и непонимания принципа неопределенности, справедливого в социологии.

Старое религиозное положение о «неисповедимости путей господних» является ни чем иным как одним из проявлений «принципа неопределенности». Выражение: «оставить на произвол судьбы» – это тоже проявление «принципа неопределенности», т.е. будущие состояния структуры многовариантны; в этом суть принципа неопределенности.

Фанатизм и цинизм – это проявление детерминизма, т.е. когда отсутствуют иные варианты поведения, которые предполагаются в принципе неопределенности. Даже в детских сказках проявляется этот принцип, когда герой сказки стоит перед камнем, где написаны разные варианты будущей его судьбы: «коня потеряешь», «дом построишь», «клад найдешь» и пр.

А в бытовой жизни разного рода риски, расчет на хорошие шансы, надежда на авось – т.е. на благоприятный исход событий – все это проявление этого принципа. А игра в шахматы – это тоже поиск разных вариантов будущих состояний системы, т.е. проявление этого принципа.

В своем развитии науки неоднократно заходили в тупик, когда новые факты приходили в противоречие со старыми законами. А выходы из этих тупиков могут иметь разные варианты – согласно этому принципу. Это очень удачно выразил физик Р.Ф.Полищук в рецензии на книгу Чернина А.Д. «Космология: Большой взрыв» в журнале «Земля и Вселенная» (2007 г, №1). Цитата: «Важный аспект развития науки, вынужденной доходить до пределов применимости старых понятий и рождать новые».

Когда законы геоцентрической системы Птолемея дошли до пределов применимости – возникла гелиоцентрическая система Коперника. А когда классическая механика Ньютона дошла до пределов применимости – возникла теория относительности Эйнштейна.

Таким же образом возникла квантовая механика, когда дошли до пределов применимости старые законы излучения. А когда социальные законы общества доходят до пределов применимости, – происходят революции и бунты. Примеров множество.

Всякое развитие методом проб и ошибок, т.е. поиск наиболее вероятного и оптимального состояния системы – это тоже проявление этого принципа.

В развитии жизни на Земле методом (или способом) естественного отбора (по Дарвину), когда выживали существа, освоившие более вероятные и оптимальные формы существования жизни. Это тоже проявление этого принципа.

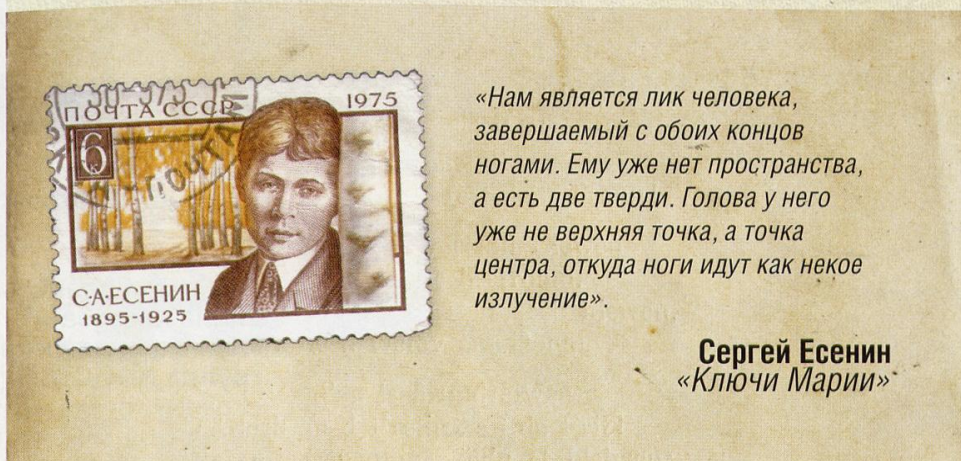
Продолжение в следующем номере

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАль

Одной голове
и тысячу лет
мало
рукой дотянуться
до Солнца
Знаю
смеётся Тот
кто сам себе
свет выкроил:
лучик к лучику
Солнц
галактического прииска
Король

Не зная правила игры,
играю
Не надоело
каторжно
скитаться по Вселенной?

Спите! Спите души!
Пока готовят холст
бумагу нарезают
под поля леса и горы
томится праха пыль
предвкушая форму
резцом извил
спрессованную мысль
под гнѐтом формулы.

«Нам является лик человека,
завершаемый с обоих концов
ногами. Ему уже нет пространства,
а есть две тверди. Голова у него
уже не верхняя точка, а точка
центра, откуда ноги идут как некое
излучение».

Сергей Есенин
«Ключи Марии»

Инсталляция: **Маргарита Аль**
Фото: **Александр Мараховский**

Анонс ПО

Следующий номер «Журнала ПОэтов»
посвящен скифам и сфинксам

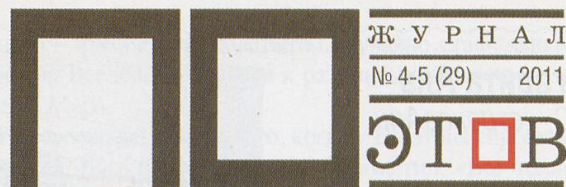
...Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там холодной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.

А.Пушкин
«К Овидию»

Стоит в углу над неподвижным морем древний Египет.
Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми
очами, обтесанные в сфинксов; идут бесчисленные
ступени. Стоит он величавый, питаемый великим
Нилом, весь убранный таинственными знаками и
священными зверями. Стоит и неподвижен, как
очарованный, как мумия, не сокрушимая тлением.

Н.Гоголь
«Жизнь»

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты», Константин Кедров,
Елена Кацюба

Идея журнала и творческая концепция
группа ДООС (Добровольное общество
охраны стрекоз) при участии Русского
Пен-клуба, Факультета Поэтов и Философов
Московской академии образования,
при поддержке Региональной общественной
организации «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта

кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор
культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук;
профессор **В. Вестстейн** (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий —
доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); **В.Нарбикова;**
В.Рабинович — профессор Института
культурологии

Арт-директор — **Олег Михайлов**
Макет номера — **Елена Кацюба**

На 1-й странице обложки картина **Антон**
Иванова «Переправа Н. В. Гоголя через
Днепр», 1845, ГТГ; на 2-й странице обложки
фото **Виктора Ахломова**;
на 4-й странице обложки рисунок
Константина Кедрова.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции.
Тираж 1000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 25.07.2011

Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

15009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1

Телефоны:

(499) 791 0398 — для справок
(499) 791 0403 — распространение
(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

«Литературные Загадки»

Интернет-радио «Русский мир» и журнал «ПОэтов» запустили совместный проект – программу «Литературные загадки». Теперь каждую неделю на сайте www.rtm.fm главный редактор журнала, философ, поэт и литературный критик

Константин Едуров

расскажет вам о тайнах и загадках, которые хранят в себе русские классические произведения. Не обойдет вниманием ведущий и жизнь самих авторов зачастую кажущуюся, скорее, фантастическим произведением, нежели реальностью. Сжёг ли Гоголь на самом деле второй том «Мёртвых душ»? Почему Пушкин не принял участие в восстании декабристов? Ответы на эти и многие другие вопросы вы узнаете в программе «Литературные загадки».

Любителям поэзии радиоканал «Русский мир» предлагает программу «Поэтический концерт», где звучат стихи классиков и современных авторов.

Радио «Русский мир» создано для тех, кто хочет знать, как и чем живёт Русский мир сегодня. В чём смысл и ценности Русского мира? Что нового происходит в России и русскоязычном зарубежье? Какой след в истории человечества оставили те, кто говорил и думал по-русски?

В нашем эфире – новости Русского мира, передачи о русском языке, литературе и культуре России, специальные интервью и репортажи из жизни русского зарубежья, радиоспектакли и музыка, программы для детей и многое другое.

Добро пожаловать в «Русский мир»!

Любовь Курьянова

